



16+

Павлина Морозова  
**ЛЕС ВИДЕНИЙ**

Павлина Морозова

**Лес видений**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

## **Павлина Морозова**

Лес видений / Павлина Морозова — «ЛитРес: Самиздат», 2020

В Лыбедском царстве-государстве, в деревне Окраинной, что расположилась у самого леса дремучего, жила-была Немила, девица красивая, но нравом непокорная и ленивая. И были у неё две сестрицы старшие, на внешность невзрачные, но трудолюбивые и к ремеслу способные. И пропал в том царстве Иван, младший царский сын, которого в последний раз видели недалеко от границ леса дремучего. И был у сестёр батюшка, который отправился вместе с дружиной в чужеземье, чтобы Ивана найти и вернуть... Страшно грустила Немила без батюшки, пока во время очередной дневной прогулки вдоль реки Ежевики не обнаружила прекрасный цветок, что умудрился вырасти из зимней мёрзлой земли...

© Павлина Морозова, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

# Содержание

Пролог	5
Часть 1. Мокша. Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	23
Глава 4	34
Глава 5	39
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	55

# Павлина Морозова

## Лес видений

### Пролог

Огарок свечи, размером не больше детского пальчика, едва мог осветить самую лучшую, самую большую светлицу, расположенную в передней части дома. За закрытыми ставнями бушевала непогода, словно все восемь ветров столкнулись между собой и начали биться не на жизнь, а на смерть, но здесь, в тепле и свете, было почти совсем нестрашно.

Батюшка уже почти дремал, сидя на краешке дочериной постели, однако Немила не соби-ралась его отпускать без ещё одной сказки, тем более что она была уверена: он и сам не прочь посидеть с ней ещё немного, пока есть такая возможность, пока не нужно снаряжаться в далё-кий путь.

– Батюшка, не хочу спать! Хочу ещё сказку! – скомандовала она и незаметно зевнула.

Батюшка глубоко вздохнул, отчего его плечи сначала поднялись, а потом плавно опусти-лись, и, пытаясь скрыть усталость в голосе, спросил:

– Хорошо, Немилушка, какую сказку ты желаешь услышать? О кикиморе и лешем? О водяном, о русалках? Или об одноглазом лихе?

Она скорчила рожу и высунула язык.

– Скучно, батюшка! Ты мне уже много раз о них рассказывал! Злоба сказала, что не существует никаких кикимор и лихов одноглазых! А если бы существовали, то я бы их обяза-тельно встретила, правда же? Я же столько раз гуляла по полям, по лесам, у речки, и никого не видела!

Немила не упомянула, как испуганно переглядывались сестрицы, пока пытались убедить её, и как тщательно потом измеряла Злоба молоко в блюдце, а Нелюба пересчитывала иголки, думая, что этого никто не видит. Батюшка усмехнулся, погладил дочь по голове, натянул ей на плечи одеяло.

– Немилушка, так ты ж радоваться должна, что никогда их не встречала, а то лишился бы я тебя и плакал бы сейчас горькими слезами.

Немила заёрзала, села на постели, внимательно посмотрела в лицо, застывшее напротив, а потом хихикнула:

– Батюшка! Я вижу улыбку в твоих усах! Шутишь ты!

– Ты ведь тоже шутишь, а значит, и я могу, – спокойно ответил тот. – Все они существуют, духи леса, воды, полей и духи дома. А иначе, разве передавали бы люди из уст в уста сказания о них? Просто не любят они, когда любопытные люди суют нос в их дела, поэтому прячутся, и являются только плохим людям, которые их покой тревожат.

– А я тоже плохая? – спросила Немила. Не было для неё приятнее занятия, чем подла-ститься к батюшке, увидеть обожание в его глазах, получить очередное подтверждение, что он выделяет её из сестёр, и свой вопрос она задала именно за этим.

Но батюшка знал её как облупленную, поэтому настойчиво уложил в кровать и снова натянул одеяло, до самого подбородка.

– Ну-ка, ложись! И пообещай мне, что не будешь ходить в лесную чащу, – строго нака-зал батюшка. – И к речке не ходи в одиночку, а то русалки обязательно утащат такую милую девочку к водяному. Ты же не хочешь замуж за мокрого, холодного дядьку с хвостом? Будешь жить в тихой заводи, обматываться тиной, а старшие русалки будут помыкать тобой и застав-лять выполнять разные поручения.

Немила только на миг представила себе такое будущее и резко замотала головой:

– Не надо мне водяного! И русалок этих, бр-р-р! Мне и дома хватает поручений!

Сёстры вечно гоняли её, младшенькую – то воды натаскай, то скотину накорми, то в доме прибери – а она мало того, что ненавидела любую работу выполнять, белые ручки свои марать, так ей ещё совсем не нравилось пренебрежение, которое она видела в каждом слове, каждом жесте сестёр. Кто они такие, чтоб ей указывать? Вот что думала Немила, но батюшка в любых спорах по поводу домашнего хозяйства ничью сторону не занимал, говоря, что все должны трудиться поровну.

Страшно обидно было Немиле это слушать, ведь ей вечно казалось, что сёстры взваливают на неё слишком много, специально нагружают, чтобы отомстить за то, что она у батюшки – любимица, и как будто этого мало, так она ещё и гораздо красивее их, и милее; Немила всем нравилась, всем – но не сёстрам.

– Батюшка! – воскликнула Немила, озарённая догадкой, и спросила, постепенно понижая тон голоса, пока тот нет перешёл в шёпот. – Так ты, значит, и правда потому не пускаешь меня гулять, что боишься, как бы меня водяной или леший не украл? А не потому, что я могу заблудиться в лесу дремучем?

– Да-да, именно поэтому... – с убедительным видом закивал головой батюшка, продолжая при этом клевать носом. – Доченька, раз ты не хочешь слушать сказки, тогда, может быть, я расскажу тебе историю про братьев Кия, Щека и Хорив и их сестру Лыбедь?

Немила слышала эту быль много, много раз, но она была не против выслушать её снова, не в последнюю очередь оттого, что царица Лыбедь вызывала у неё искреннее восхищение своим умом, неземной красотой и смелостью, а также умением перевоплощаться в прекрасную белую лебедушку, которое было даровано ей богиней Марой. Не одна Немила восхищалась легендарной основательницей: все девочки в деревне любили царицу Лыбедь, а потому во время игр не находили лучшего удовольствия, чем завернуться в кусок белоснежной скатерти, которую взрослые приберегали для особых случаев, и расхаживать в таком виде, подметая лапами своего «платья» дорожную пыль и грязь. А чтобы образ был полный, тащили девочки у матушек своих и сестёр старших разные украшения: бусы, ленты, а однажды Немиле даже удалось стащить у мастерицы Нелюбы недоделанный кокошник. Вот тогда-то она стала точь-в-точь Лыбедь! Только, к сожалению, ненадолго, потому как выловила её потом средняя сестра и надавала тумачков. Но с какой радостью Немила вспоминала, как смотрела на своё отражение в отполированном блюде! на русые волосы, что выделялись на фоне белых кокошника и скатерти, на нащипанные до румянца щёки и облизанные до блеска губы, на голубые глаза с белёсыми ресницами, как у лошади. Загляденье! И предпочитала она не вспоминать о том, что последовало далее, о том, как оттащила её Нелюба за косу да прутиком по рукам отхлынула. В тот раз не побежала Немила жаловаться батюшке, потому что знала – за дело получила. И оно того стоило.

Батюшка с молчаливого одобрения дочери начал свой рассказ:

– Давным-давно жили трое братьев, Кий, Хорив и Щек, и их сестра Лыбедь. Кий и его братья не могли долго усидеть на месте, такие уж они уродились на свет. Все вместе много странствовали – смотрели, как люди живут в разных частях света, где нравилось, там ненадолго оседали, но потом снова пускались в путь. Но не праздно они шатались, а с целью благой: искали место определённое, чтобы собственный город построить. Сестрица Лыбедь братьев везде сопровождала, поскольку не было у них в целом мире никого больше – только они четверо.

Однажды пошли они от Славутича на запад, в земли неизведанные, по правому берегу речки небольшой, но полноводной и богатой рыбой. Шли они несколько дней, пока не вышли к тому месту, где речка та обратно в Славутич впадала, и решили тут остановиться. Место было удобное, земля – плодородная и жирная, а с севера надёжной защитой служили два больших

холма, на одном из которых сразу захотелось Киею поставить терем, уж очень оттуда обзор был удобный и радующий глаз.

Собрал Кий народ, привёл в земли новые, и началось заселение. Потихоньку отстроили град, а на холме, как хотелось Киею, вырос белокаменный терем, где и зажили все вчетвером: три брата и сестра. Но тучи несчастья сгустились вскоре над городом, ибо одним солнечным летним днём прогуливалась Лыбедь по саду, который разбила на вершине холма, как вдруг над нею и над всем замком нависла чёрная тень, которая стремительно приближалась и росла. Всего пару мгновений прошло, а Хорив и Щек, ставшие свидетелями ужасного события, и двух шагов не успели ступить, как упал на землю змей трёхголовый, схватил когтищами хрупкую девицу и обратно в небо взмыл.

Страшную тень увидели и внизу, в долине. Ёкнуло сердечко у Кия, домой он поспешил, но к тому времени, как на вершину холма ступил, фигура змея превратилась в тёмную точку и почти растаяла вдали. Загоревали братья, но Киею единственному достало смелости признать, что нет у них иного выхода: только отправиться в края дальние, чтобы вызволить из лап змея крылатого любимую сестрицу.

И ответил Щек:

«Негоже город бросать без присмотра, так ведь можно вернуться и обнаружить, что терем твой уже кем-то занят. Лучше я останусь, пригляжу тут за всем».

И возразил Хорив:

«Негоже нам, братец, сестрицу вызволять, чай, не женихи мы ей. Лучше объяви на весь белый свет, что тот, кто освободит прекрасную Лыбедь из лап змеевых, тот на ней и женится. Авось кому и повезёт одолеть змея».

Не послушал Кий Хорива, в путь дальний снарядился, а братьям обоим наказал за градом присматривать.

«И ежели не вернусь, то служите здесь честью и правдой до конца дней своих. А пока не отбыл, нарекаю я град этот по имени нашей сестры драгоценной, Лыбедью».

Пустился Кий в путь и пропал. Времени уж много прошло, когда Щек и Хорив стали беспокоиться о брате, и то с подачи жителей, которые начали роптать, мол, уже двое пропали из-за змия, надо бы что-то делать, пока тот ещё кого не утащил.

«Надо бы по следу пуститься», – с намёком сказал Хорив, а Щек ответил: «Давай же, иди, а я тут подожду, пригляжу за всем».

На то возразил ему Хорив: «Ты, братец, второй по старшинству. Тебе и идти».

А Щек в ответ тоже нашёлся: «Вот именно, я второй, мне и править после Кия вторым. Так что ты иди».

Долго они спорили, кому на поиски брата идти, да так и не порешили. Каждый боялся, что за время его отсутствия другой брат всю власть себе заберёт. А одним утром произошло поистине чудо: на пороге замка возникла красавица писаная, в нарядах дорогих да в камнях драгоценных, на голове у неё шапочка, отороченная мехом, как влитая сидела, а за поясом меч торчал, с остриём блестящим и рукоятью, камнями усыпанной. Узнали в той девице братья сестру свою, и в ноги ей упали с извинениями за то, что не спасли её.

А Лыбедь снисходительно ответила:

«От вас-то я многого не ожидала, но как мог мой любимый братец Кий бросить меня на произвол судьбы?»

Тут побелели Щек и Хорив лицами, и тогда Лыбеди без слов стало всё ясно: раз не дошёл Кий до пещеры змиевой, значит, беда его в пути настигла. Загрустила она, в думы свои погрузилась, а Щек и Хорив на бедную сестрицу с вопросами накинудись: «Скажи-как нам, Лыбёдушка, как ты от змия ушла и откуда на тебе наряд такой ослепительно-прекрасный?»

Ответила Лыбедь голосом тусклым: «Сам он меня отпустил, когда понял, что никто не будет с ним за меня биться. А ценности я у него в игры азартные выиграла, от скуки».

«И много у змия богатств ещё осталось?» – спросили братья.

«Много. Но вы роточки свои не разевайте. У змия того три головы с тремя огромными пастьями. Только подойдёте к нему, как он вас сцапает острыми когтями и съест».

Трусливы братья были, испугались они сами к змию трёхглавому лезть, и тогда каждому из них другая мысль в голову пришла. И сказал Щек:

«Сестрица дорогая, а зачем тебе этот меч? Подари мне его, как своему будущему царю».

Рассмеялась Лыбедь горьким смехом:

«Ты глуп, как бревно, братец! Мой это меч, и владею я им получше любого из вас! А царём тебе не стать, покуда Кий жив. Я знаю, что жив он, и я его найду. Ежели в вас совесть проснётся – догоните меня».

Щек и Хорив снова принялись спорить, кому Кия идти искать. А Лыбедь махнула рукой на спорщиков и в тот же день в путь обратный пустилась. Дюже волновал её вопрос, где же они с братом разминутся. Пошла Лыбедь куда глаза глядят, избегая дорог протоптанных, да не заметила, как в чаще дремучей заплутала. Кричала она «Ау!», звала Кия, но ответом на её клич служили лишь крики лесных птиц. Долго плутала она, пока не вышла к избушке – маленькой, неказистой, во всём виде которой скользила заброшенность и одиночество. На всякий случай постучала Лыбедь, и на её удивление изнутри отозвались. Старушечий голос проскрипел: «Входи, гость незванный», и она вошла.

Немила невольно хихикнула, когда батюшка изобразил голос старушечий, и с большим интересом принялась слушать дальше, тем более что самое интересное было ещё впереди.

– Внутри домика сидела сухая невзрачная старушка, которая выглядела под стать своему жилищу. Лыбедь сразу поняла, что добродушная ей ждать не стоит, но попыталась выведать у старушки, не видела и не слышала ли та чего о Кие.

«Подойди-как поближе и присядь, – проворчала старуха. – Надоть мне тебя получше видеть и слышать».

Послушалась Лыбедь, присела напротив старухи, а та заинтересованным взглядом по мечу скользнула и шапку соболиную принялась разглядывать с нескрываемым интересом.

«Говоришь, брат возлюбленный пропал? Что же, могу я быстренько найти его, но сделаю это не за просто так. Шапку свою отдай, тогда получишь, что просишь».

Лыбеди старуха не шибко понравилась, но она не раздумывая и без сожаления рассталась с вещью, которая ей особо и не принадлежала.

Старуха надела шапку на голову, повернула её набекрень и исчезла, а спустя несколько мгновений снова на том же месте появилась, сияя широченной улыбкой. Оказалось, что шапка та не простая, а невидимка, однако, Лыбеди не было жалко потери: переживания о Кие заполняли все её мысли.

«Бабушка, а теперь помоги, пожалуйста!» – взмолилась она.

«Вижу, меч ты свой беребишь от нетерпения. Смотри не махни им ненароком, – едко заметила старуха. – И не бабушка я тебе. Называй меня Баба-яга. А теперь бери корзинку, вон ту, самую большую, и пойдём братца твоего искать».

Ужасное открытие ждало Лыбедь. Корзинка, как выяснилось, не для ягод и грибов предназначалась, а для косточек киевых. «Любопытной твой братец смертью погиб, смотри-ка, какая вмятина на черепе. Ох, жаль, эту историю он уже не расскажет», – Баба-яга покачала головой и ухмыльнулась, и от этой ухмылки Лыбедь выронила корзинку, бросилась наземь и зарыдала горькими слезами. Яга не мешала, сидела себе рядом, косточки перебирала и складывала их обратно в корзинку. А когда рыдания стали потише, она вкрадчиво шепнула:

«Хочешь, чтобы Кий снова ожил? Отдай мне меч свой, и тогда я научу тебя, как вернуть его с того света, вырвать из лап самой Смерти».

Лыбедь не думая согласилась с предложением Яги, сняла с пояса меч и кинула на землю. А Яга ловко наклонилась, подобрала его, вынула из ножен, потом засунула обратно и застегнула

на поясе. Затем она громко свистнула, после чего настигло Лыбедь ещё одно потрясение: отовсюду к Яге стало стекаться зверьё разное, от белки до лося, и каждый нёс, за щекой, меж зубов или в лапах, куски тела человеческого. И когда корзина заполнилась доверху, то Ягаскомандовала: «А теперь носи своего возлюбленного ко мне домой, сейчас самое сложное начнётся».

В избе первым делом затопила Яга печь, а потом вывалила кости Кия на хлебную лопату и туда же, в печь, засунула, закрыла заслонку и велела ждать, пока с той стороны стук не раздастся. Не могла Лыбедь поверить в происходящее, но скоро из печи и правда стук раздался, а когда Яга заслонку открыла, то явился на свет божий сам Кий, живой и здоровый. Бросилась Лыбедь его обнимать-целовать, а Баба-яга вежливо отвернулась, дабы не смущать вниманием две родственные души.

Оделся Кий в свою невесту откуда взявшуюся старую одежду, и усадила их Яга отвары травяные пить, да историю свою рассказывать. И узнали Яга с Лыбедью, что со смертью Кия дело было нечисто. «Напала на меня целая банда, – вещал Кий, полужёжа на лавке. Он ещё не оправился после возвращения, а потому говорил медленно, через силу, постоянно прерывая свой рассказ, чтобы перевести дух и вспомнить пережитое. – Разбойники с лицами страшными, коих вовек я не забуду. А самое ужасное, что по разговорам их я понял – мои собственные братья, моя кровь и опора, они подослали моих убийц». После этого откровения Яга, единственная, кто пребывал в приподнятом настроении, предложила брату и сестре переночевать.

«На ночь глядя я вас всё равно не отпущу. А уж с утра идите на все четыре стороны», – добавила она. Лыбедь с Кием только рады были. В лесу ночью особенно страшно, а уж когда защитить себя нечем – тем более. Одна проблема – не спалось им в ту ночь ни в какую. Легли они, дождались, пока Яга не захрапит, и шёпотом принялись обсуждать своё возвращение. По видению Кия всё было очень просто: решил он, что не будет братьев убивать, но изгонит непременно. «Их двое, а ты один», – робко заметила Лыбедь.

«Нас тоже двое, – возразил Кий. – И ты сильна, как ни одна из женщин, что я встречал в своей жизни. Вдвоём мы их легко одолеем».

Но уверенность Кия не добавила Лыбеди душевного спокойствия, и разработала она план коварный, чтобы наверняка от братцев избавиться. Предложила Лыбедь выкрасть у Бабы-яги шапку-невидимку и меч в придачу, да уйти с этим добром затемно, пока та не проснулась.

Поначалу не понравился Киею план, воспротивился он, напомнил Лыбеди, что только благодаря Яге он жив, но и Лыбеди было, что на это ответить:

«Киюшка мой, так мы только попользоваться возьмём, а потом всё вернём. Не забывай, эти вещи были когда-то моими».

В конечном счёте уговорила она брата на подлость. Вдвоём они аккуратно стащили с печи обе вещицы – Лыбедь взяла себе шапку, а меч достался Киею – и пошли они быстрым шагом через лес, Кий первый, а Лыбедь вслед за ним.

Уже к рассвету добрались они до града своего спящего. Тихонько пройдя по улицам, взобрались на холм и в терем свой царский пролезли, где разбудил Кий братьев-предателей и предложил им честный поединок устроить.

«Кто выиграет, тот и останется в замке, а остальные пусть выметаются и новое место себе ищут», – так он и сказал, сурово сдвинув брови.

Братья испугались. Знали они, что в честном поединке им не выиграть, поэтому напали на Кия вдвоём, злясь про себя, что разбойникам на слово поверили и не проследили, чтобы те честно свою работу выполнили.

Началась битва нечестная, двое на одного. Но не знали братья, что и Лыбедь тут как тут была, одетая в шапку-невидимку. По-своему помогала она Киею, исподтишка давая Щеку и Хориву тумачков знатных: то толкнёт, то подножку подставит, то предметы в комнате передвинет, так, чтобы те их пути мешали.

Добились Кий и Лыбедь желаемого: вымотали они вдвоём братьев смертельно, так, что о пощаде те взмолились слёзно.

«Сей же час мы уйдём, только отпусти нас, Кий, перестань лупить мечом этим плашмя, уже все бока отбиты, спины не разгибаются, ноги едва шевелятся».

Сжалился Кий над братьями, решил, что достаточно с ним, но тут неприятность одна обнаружилась: меч тот не простой, а волшебный был, и остановить его было не так-то просто. Вскричал Кий братьям: «Бегите! Не я мечом управляю, а он мной!» И побежали братья, а меч за ними кинулся, из комнаты в комнату, оттуда на улицу, на гребень холма покатый. Оступился Хорив, вниз кубарем покатился, и Щек за ним. А Кий бежит, меч его тоже вниз тянет, и не отпустить рукоять никак, рука словно прилипла. Лыбедь тоже из замка выбежала, за Кия схватилась, но не удержать ей прыть меча заколдованного, ещё чуть-чуть, и они бы тоже вниз полетели.

Тут свист раздался на весь свет такой, что уши заложило у всех, кто ближе чем за версту от холма находился. Подняли Лыбедь и Кий головы, а над ними старуха в ступе парит, метлой угрожающе размахивает.

«А ну, вернись, что мне принадлежит!» – приказала она, и вмиг меч из руки Кия выпрыгнул, в ступу Яги запрыгнул. Шапка тоже с головки девичьей слетела, на седину Яги приземлилась. Цыкнула старуха, сверкнула зубом золотым, противно захихикала.

«Ух, до чего противные вы, люди-человеки! Ворюги проклятые, никакого доверия вам быть не может! Больше ни одному из вашего племени помогать я не стану, и не попадайтесь мне на глаза никогда, а не то съем!» – напоследок щёлкнула она зубами громко, а потом улетела на своей ступе, помелом размахивая во все стороны, и никто её никогда с тех пор не видел.

Устыдились Кий и Лыбедь, поняли, что поступили недостойно, спустились вниз, чтобы братьев проверить, а тех и след простыл. Только много позже они узнали, что Щек и Хорив в соседние земли бежали, а по дороге так сильно рассорились, что никогда больше друг с другом не разговаривали.

Сами Кий с Лыбедью поженились и стали править вместе, но град переименовывать не стали, и так закрепилось за ним сестрино имя. Постепенно владения их расширились, и вместо одного града появилось целое Лыбедское царство.

А Щек и Хорив тоже времени зря не теряли, каждый из них собственное государство создал, где и воцарился на престоле. Так были образованы Щекское и Хоривское царства, которые испокон веков воевали между собой по любому поводу. Лыбедское же царство держалось в стороне от этих конфликтов, его с тех пор будто бы не замечали, благодаря чему, в отличие от соседей, оно быстро развивалось и процветало.

А Бабу-ягу с тех пор, как и прежде, видели нечасто, и ужасно боялись – гораздо сильнее, чем других жителей леса. Она, говорят, только увидит человека в окрестностях своих владений, так сразу начинает выть, и улюкать, и гонится за этим несчастным, помелом помахивая и широко раззевая зубастый рот, и неизвестно, что случилось с теми, кто не смог убежать от неё, а поговаривают, что лучше этого и не знать, особенно маленьким девочкам! Но тебе, Немила, я могу и рассказать, коль ты такая смелая, что одна не боишься везде гулять.

– Не надо, батюшка, я всё поняла, – сонным голосом проговорила Немила. – А ты свозишь меня в Лыбедь-град, посмотреть на холмы и на терем белокаменный своими глазами?

– Обязательно свожу, – пообещал тот. – Но только когда подрастёшь немного.

Немила промычала в ответ что-то невразумительное и уснула. За окном всю ночь продолжала свистеть вьюга, и снилось девочке, что царица Лыбедь – это она сама, что лежит она на своей большой мягкой кровати в белом тереме на холме, и что летает по ночному небу над теремом сама Баба-яга, предупреждая людишек-человечишек, чтобы не смели высовываться из своих домов.

## Часть 1. Мокша. Глава 1

Час был ранний, поэтому двор, по которому в дневное время бегали куры, гуси и свиньи, пока ещё пустовал. Немила собиралась выпустить всех чуть позже, а пока радовалась последним денькам, когда можно просто открыть ставни и увидеть не грязно-бежевую, непрозрачную плёнку бычьего пузыря, а деревенские постройки, уходящие вдаль поля и тёмные силуэты деревьев, принадлежащие нескончаемому лесу, который начинается прямо отсюда, по левую руку от окошка, и простирается настолько далеко на восток, что никто не знает точно, где тот кончается и кончается ли вообще.

Здесь, на востоке, зима наступает раньше, чем в славном Лыбедь-граде, хотя тот располагается севернее. Батюшка говорит, причина тому – близость к морю, благодаря которой смена времён года происходит плавно, неторопливо, поэтому и холод, и тепло приходят туда с небольшим опозданием, даже не идут – крадутся, что едва заметишь их шагки.

Немиле сложно представить, как это, когда холод приходит незаметно, ведь она за свою недолгую жизнь привыкла, что как только недолгий сбор урожая подходит к концу, так сразу же погода начинает портиться, словно подгоняя запаздывающих непутёвых крестьян, мол, поторапливайтесь, зима идёт!

Ветер, врывающийся в раскрытое окно, шептал о том же, каждым дуновением пуская по телу волны мурашек: «Зима идёт! Дорогу зиме!»

И всё же осень пока не собиралась сдавать свою власть, а потому вместо снега за окном накрапывал слабый дождик, который потихоньку, по одному листочку незаметно обрывал богатые одеяния красавцев-деревьев.

Но не поэтому лицо Немилы, выглядывающее этим утром из окошка, было полно какой-то мрачной мечтательности. Вовсе не о природе были её мысли, а о людях, точнее, об одном конкретном человеке, встреча с которым была для неё столь же невозможна, как попытка оседлать ветер.

«Лицо узкое, с маленьким длинным подбородком, кожа смугловатая, цветом как очищенное зёрнышко пшеницы, щёки всегда розоватые. Волосы, и брови, и ресницы тёмные, почти чёрные, глаза большие, круглые, смотрят на мир немного свысока – им позволительно, – далее нос, тонкий, кончик чуть изогнут книзу, ноздри всегда выглядят по-горделивому раздутыми, верхняя губа изогнута в форме дуги лука, нижняя полновата. Семейные черты за версту видны, поэтому пропавшего наследника престола сложно спутать с кем-либо иным».

Посмотреть бы на тот светлый лик хотя бы ещё один разочек! Но увы, приближённые царя увезли портрет в тот же час, как все деревенские насмотрелись на изображение царевича, а батюшка, как староста деревни, записал себе соответствующее словесное описание лица и тела. Как же там было?

«Фигурой царевич Иван одарён неплохой, но мужское начало ещё не успело раскрыться в полную силу, потому он угловат и узок в плечах, однако прямая осанка выдаёт благородное происхождение».

Царевич выехал из дворца на своём белом коне, покинул славный стольный Лыбедь-град, и с тех пор его никто не видел. Произошло это аккуратно в середине весны, а значит, скоро уж пять месяцечков стукнет с момента его бесславного исчезновения.

Как и многие в деревне, особенно молодые девицы, Немила страшно грустила и убивалась из-за загадочной пропажи царевича. Как и у всякой молодой девицы с северо-восточной окраины царства, у неё была для того дополнительная веская причина, о которой будет пове- дано ниже.

А дело было так. У царя-батюшки было трое сыновей-погодок. Когда подошло время задуматься о будущих невестках, царь смекнул, что огромной морокой будет три года под-

ряд устраивать смотрины, к тому же как ни старайся угодить женитьбой дворянам, боярам и купцам, всё равно останутся обиженные и начнут зуб точить, что-де не их доченьку сделали избраницей. И тогда придумал он ловкий ход, который позволил ему невест самому не выбирать. И издал царь указ, по которому выходило, что отправляет он сыновей своими силами суженых искать. Собрал он благородных сыновей, выдал им ровно по одной стреле, приказал выйти за ворота Лыбедь-града и разойтись на три разные стороны. «А когда разойдётесь, стреляйте и идите в ту сторону, куда ваша стрела полетит, и ищите там невесту свою, – сказал царь. – Стрелы ваши не просто так с золотыми наконечниками, это длань всевидящего Солнца, она и приведёт вас к счастью».

Но не прошло всё так гладко, как рассчитывал царь, и даже совсем негладко. Выехали трое царевичей из дворца царского, а вернулись с невестами только двое. Старший сын встретил пухленькую красавицу, дочь очень богатого купца, шедшую за покупками в град стольный, а средний проехал чуть дальше и попал во владения боярина, где познакомился с юной любительницей прогулок и рисования на свежем воздухе. То была младшая, пятая по счёту, дочь того боярина, и несмотря на её малый возраст, знатным родителем тут же было выдано согласие на брак.

Как нетрудно догадаться, оба брата, старший и средний, довольно быстро вернулись во дворец. И стали все младшего дожидаться, чтобы тройную свадьбу отпраздновать. А его нет да нет, всё нет да нет. Прошла неделя-другая, а когда третья перевалила за середину, то царю ничего не осталось, как всенародную тревогу объявить. Начали посыльные царя ездить и опрашивать народ, и вскоре выяснилось, что когда царевич в последний раз разговаривал с живыми людьми, то говорил, будто бы направляется в земли окраинные, туда, где лесная полоса, прикрывающая землю Лыбедскую с восточной стороны, перерастает в непроходимые дремучие заросли, а от реки Лыбеди отходит приток, небольшая речушка под названием Ежовика. Неясно было, с чего это вдруг третьего наследника на престол потянуло к тем местам, ясно одно – с тех пор его не видели ни в тех местах, где он последний раз общался с людьми, ни на востоке. А значит, не добрался он куда хотел. Из этого вывод – перехватили царевича, похитили, а кто, как не подлые щекотцы, мог это сделать?

Но услышав, куда царевич Иван держал путь, все незамужние девицы деревни Окраинной, в том числе Немила, ощущали себя не столько скорбящими по поводу пропажи царевича и напуганными по поводу его дальнейшей судьбы, сколько обманутыми и незаслуженно обделёнными. Подумать только, он ведь направлялся прямо сюда! Деревня Окраинная как раз таки одна из последних деревушек на восточном краю страны, за ней начинаются бескрайние необжитые земли, уходящие далеко на восток, а как далеко – никто до сих пор не смог изведать, потому как пробраться по дремучим лесам и болотам очень тяжело, и даже самые упорные рано или поздно поворачивают назад, а кто не поворачивает – тот не возвращается вовсе.

И чего царевича потянуло в эти сомнительные места, спрашивается? Почему не нашёл себе невесту где-нибудь поближе? Сие вряд ли кому-то известно наверняка, но каждому подданному, от мала до велика, известно, что младший из царевичей был чрезвычайно влюблён в дикую природу и в походы, особенно он любил отлучиться из дворца в полном одиночестве, и после мог пропадать по несколько дней кряду.

А когда выяснилось, куда направлялся Иван перед исчезновением, что началось! Девки в надежде, что царевич всё-таки найдётся, выходили каждый день расфуфыренные, целыми компаниями гуляли по близлежащим полям, спускалась к рекам, кричали Ивана в лесу. Парни и мужи занимались примерно тем же, но более по уму. И тем, и этим, в итоге не свезло, но самыми грустными от этого стали именно незамужние девицы.

Немила же считала, что у неё гораздо больше поводов расстраиваться, чем у её несостоявшихся соперниц, поскольку таким миловидным личиком, как у неё, не могла похвастаться ни одна из знакомых ей деревенских жительниц сходного с нею возраста. И пусть говорят, что

заговорённая стрела зрит тоньше и глубже самого острого глаза, а она считала, что ни одна стрела не заставит полюбить супротив воли кривую, косую и безродную крестьянку. А вот ежели крестьянка и лицом мила, и стройна, и характером обладает мягким, тогда ей может улыбнуться удача...

Ах, и надо ж было царевичу пропасть, чуток не дойдя до Украинной...

– Немилушка! Потом будешь витать в своих мечтах! Иди с батюшкой простись, в путь-дорогу ему пора, только тебя и дожидается!

– Бегу! – крикнула Немила, закрыла ставни, выскочила из комнаты и со свечой в руке спустилась на первый этаж, а оттуда через сени выбежала на крыльцо.

Странное дело, вот он, батюшка, стоит в полном обмундировании, по приказу царя в очередной боевой поход на недругов идёт, откуда может и не вернуться, а она по какому-то царевичу убивается, которого и в жизни-то ни разу не видела!

Но царевич вовсе не какой-то, а очень важный, а батюшка – тот вообще единственный в мире. Просто за всю свою недолгую жизнь Немила привыкла к тому, что самый дорогой и любимый батюшка может отсутствовать дома неделями, а то и месяцами. И несмотря на все невзгоды, что поджидали его на далёкой земле, она всегда верила, что после всех испытаний он обязательно вернётся. А для верности молилась она Солнцу, чтобы принёс славную победу, и Луне, чтобы позволила батюшке подольше пожить на этом свете. Молилась она и за других: за соседей, что отправляли по три – пять человек от семьи, и за друзей детства, самые старшие из которых доросли до того возраста, когда можно жениться и воевать.

Батюшка был уже полностью готов к выходу. На нём были надеты только шерстяные рубаха и шаровары, да короткий дорожный плащ. Сбоку торчал меч, дорожная сумка лежала у ног, а остальное обмундирование, провизия и прочее было загружено в повозки с тягловыми лошадьми.

– Ну, Немилушка, вот мы тебя и дождались, – батюшка с широкой улыбкой распахнул объятия. Немила с удовольствием прильнула к его широкой груди и привычно подставила лоб для отеческого поцелуя.

Подбородок батюшки был рассечён надвое ещё в стародавние времена, когда ни одной из трёх сестёр не было на этом свете, а сам он был совсем юн и неопытен. Были у него и другие следы от увечий – и немало, – но он никогда на памяти Немилы не жаловался на судьбу, никогда не пытался увильнуть от похода, хотя это было проще простого, притом, что один глаз его уже почти не видел, а коли батюшке приходилось долго на холодном ветру бывать, у него прихватывало спину — да так, что та ныла ежедневно и еженощно до семи дней подряд.

Однако в каждый следующий поход батюшка отправлялся с огромной радостью, которую не мог, да и не пытался скрыть. Нельзя сказать, что ему не нравилась спокойная крестьянская жизнь, он умел искренне наслаждаться каждым днём независимо от того, где находился и что делал – в этом Немила ему даже завидовала – и всё же порой она ловила батюшку, чей взгляд тоскливый был устремлён в дальние дали. Но стоило ему заметить, что кто-то наблюдает, так он сразу смеялся и говорил: «Я тут одну историю вспомнил, иди ко мне, расскажу».

Но ни он, ни другие мужчины никогда не рассказывали подробностей о боях, в которых побывали. «Не бабское это дело – о битвах слушать», – утверждали они, а между собой говорили загадками.

– Что грустишь, доченька? – батюшка усмехнулся в усы и погладил Немилу по голове. – Не волнуйся за меня, в этот раз, возможно, и не придётся пускаться в ход меч. Мы идём припугнуть щековских, чтобы сознались они в похищении царевича, а ты знаешь, какие они слабаки и трусы – только исподтишка могут нападать и грабить, потом – в кусты и молчок. Быстренько разделаемся с ними и вернёмся, соскучиться не успеете.

– И вы привезёте царевича домой? – робко поинтересовалась Немила.

– Чего не знаю – того не знаю, – выдохнул батюшка. – Может, он и у щековских, а может, в дремучий лес потянула его сила неведомая... И лучше бы первое, чем второе.

Он многозначительно постучал по голове, прикрытой коричневой меховой шапкой с отворотом, пожал плечами и добавил:

– Нужно быть совсем отчаянным, чтобы в одиночку в дремучий лес соваться. Но я не могу осуждать... А-а, да что же мы о грустном-то! Дочери мои, у меня к вам важный вопрос имеется.

Злоба и Нелюба, которые, застыв, стояли тут же, рядом с батюшкой, но виделись Немиле лишь как плоские силуэты на фоне стены, как некие истуканы или тени самих себя, зашевелились и оттого стали снова объёмные и осязаемые. В глазах их заплясали огоньки живого интереса.

– Слушаем, батюшка! – воскликнули они практически одновременно.

Этот батюшкин тон голоса, который можно описать как осторожно намекающий, все трое знали очень хорошо, и всю суть важного вопроса они уловили ещё до того, как он был задан.

– Злобушка, Нелюбушка, Немилушка, каких гостинцев вам привезти из града стольного? Не стесняйтесь, заказывайте всё, что хотите, – оправдывая ожидания дочерей, щедро заявил батюшка, на что сёстры Немилы ответили чётко, и по существу.

Первой по старшинству выступила Злоба. Она сложила руки на груди, вздёрнула подбородок и медленно, будто смакуя каждое слово, заявила:

– Я слыхала, что из земель южных начали возить новые приправы, что каждое блюдо делают ещё вкуснее, а иногда меняют до неузнаваемости. Так вот, мне надо приправ этих! Буду я новые блюда готовить, всех вас потчевать.

Второй выступила Нелюба. Немила привычно сложила губы в брезгливую гримаску, которую Нелюба – привычно – не заметила. В присутствии батюшки у средней сестры проявлялась склонность к лебезению и преувеличению всего на свете, и это почему-то сильно раздражало Немилу, будто средняя сестра покушалась на нечто святое.

– Ах, батюшка! – тонким голоском напела Нелюба. – Мне привези того же, что и всегда! Тканей новых, необычных по плетению и расцветке, да ещё ниток и игл самых тонких, а то мои все затупились и погнулись. И пальцы посмотри, а то те, что ты привозил в прошлый раз, слишком большие оказались и неудобные.

Батюшка сосредоточенно покивал головой и обратился к Немиле.

– А тебе чего привезти? Тоже как всегда? Бусин крупных и мелких, жемчуга речного, цветных лент? Шкатулку и зеркальце? Али ещё какие пожелания будут? Может, посуды красивой желаешь?

Тут Немила замаялась, не нашлась с ответом. Готовить она умела из рук вон плохо, рукоделием занималась редко, и то только тогда, когда делать было совсем нечего, а оттого сих пор ничего не умела мастерить, кроме самых примитивных браслетов и бус, а шкатулочек, зеркал и прочей дребедени она и так насобирала на десяток лет вперёд. Всё это было не то, хотелось ей чего-то совершенно иного.

Тут из-за угла избы подул ветер, и солнце мгновенно скрылось, отчего всё вокруг потускнело.

Немила снова с тоской подумала об уходящих тёплых днях и в сердцах воскликнула:

– Батюшка! Привези мне чего-нибудь такого, чтобы напоминало о лете, о радости, о солнечных днях!

Батюшка поначалу показался обескураженным таким ответом, но потом рассмеялся.

– Хорошо, я поищу на базаре то, что ты просишь. Летнее, солнечное, радостное? Что бы это ни было, я обязательно его найду.

Затем, когда пожелания насчёт подарков закончились, сёстры вместе с батюшкой спустились с крыльца и вышли к дороге, где уже собрались другие семьи, провожающие своих мужчин в дальний путь.

Кое-кто плакал, чаще те женщины, которые впервые отправляли сыновей в такую даль, и некоторые дети, которые ещё не успели привыкнуть к вынужденному расставанию с отцами и братьями. А в остальном прощание было слишком привычным ритуалом, чтобы проливать по этому поводу слёзы. Да, в стычках могли и убить, и покалечить, но, слава Хорсу, мужчины из этих краёв почти всегда возвращались домой тем же составом, что и уходили, потому что суровое воспитание с детства закаляло их и приучало к выживанию.

А глядя на то, как ловко батюшка запрыгивает на спину гнедого коня, Немила тихо гордилась родителем: вот в ком энергии хватит ещё на дюжину походов!

Пожалуй, будь она мужчиной, тоже бы каждый раз радовалась, оставляя знакомые места, чтобы устремиться в неведомые дали, встряхнуться, насытиться впечатлениями, да хорошенько соскучиться по дому. И всё же, не хотелось бы ей родиться мужчиной, потому что она знала, что доля мужская тоже нелегка: многие дни без отдыха скачи на лошади, спи на голой земле, тренируй без усталости своё тело, чтобы было крепким и ловким, никогда не показывай, что тебе страшно, и не позволяй своим слабостям взять над тобой верх.

Нет, увольте, самое лучше – быть женщиной, причём не простой, а знатной, чтоб спать да обеда, гулять и наряды менять, а ещё поесть вкусные и сладкие фрукты в любое время года и танцевать, и петь под бойкую игру приглашённых музыкантов, пока дорогой муж занят делами высокой важности.

– Не скушайте слишком, скоро уж увидимся, – коротко добавил батюшка, махнул рукой и тронул пятками лошадиные бока.

Конь фыркнул, неторопливо двинулся с места. Его круп покачивался, а хвост лениво болтался из стороны в сторону, отгоняя злых и толстых осенних мух.

Вслед за батюшкой и его конём потихоньку потянулись и остальные мужчины деревни, все как один медлительные, молчаливые и расслабленные. Немила знала, что они продолжают мысленно прощаться с каждым кустком и настраиваться на дальнюю дорогу. Сейчас выйдут из деревни и все вместе остановятся в чистом поле, оставят там дары, помолются Солнцу, и тогда уж можно считать, что начался отсчёт их путешествию.

Женщины же не спешили расходиться, ровно как и дети, они вбирали в память каждое мгновение, пока спины их мужей, отцов, братьев и дядьёв не скрылись из виду, ведь они знали, что в следующий раз смогут увидеться не ранее, чем через месяц, а то и через два.

Вот последний всадник скрылся за поворотом дороги, что петляла вдоль кромки леса, и постепенно все начали расходиться, чтобы заняться обыденными делами по хозяйству. Загремели вёдра, застучали топоры, зашуршали грабли и лопаты, а самые шустрые уже отрядились идти на поле, чтобы собрать остатки озимой пшеницы и ржи.

Немила попыталась было прибиться к полевым, чтобы потом у реки незаметно улизнуть, но у неё ничего не вышло.

– Стой! Ну-ка, стой, кому говорят! – прикрикнула Злоба. – Ишь ты, опять улизнуть собиралась! Иди скотину корми и хлев убирай! А я, пока корову буду доить, за тобой пригляжу!

Свесив голову, Немила развернулась и послушно двинулась через улицу обратно к дому. Эх, позорно попала у всех на глазах! Терпеть она не могла убирать в хлебе, а сёстры, как назло, вечно ей самую грязную работу оставляли и ещё насмехались: мол, раз ничего больше не умеешь, так страдай и терпи!

Похожи они были, сестрицы, на тех самых мух-кровопийц: такие же приставучие и кусучие. Терпеть она не могла обеих, что Злобу, двуличную гадину, которая на людях всегда добренькая и хорошенькая, а наедине ядом брызжет – только уворачивайся, что Нелюбу – самолюблённую и заносчивую, до невозможности приторную в общении и при этом страшно

мнительную. Вот уж у кого нужно учиться от домашних дел отлынивать! У той вечно то мигрени, то за сердце хватается, а как пальчик уколет своим шитьём, так весь день страдать будет.

Ничего не попишешь, сегодня их взяла – пусть порадуются, пока могут. Гордо вздёрнув голову и не глядя ни на кого, Немила вернулась к своему дому, прошагала мимо сестёр и устремилась в сторону заднего двора. «Подумаешь! Не такое уж большое дело в хлеву почистить!» – уговаривала она себя, но как-то ей не удавалось особенно поверить в свои же слова.

В отсутствие батюшки сёстры вечно норовили возложить на младшую сестру какую-нибудь работу, да потяжелее, да ещё всю дорогу попрекали, что она ленива и нерасторопна. И некому было вступить за неё, такую беззащитную, поскольку остальные бабы в деревне всегда вставали на сторону сестёр (завистливые злыдни) и обидно говорили: «Немила-белоручка, тебя такую непутёвую за одни красивые глазки никто замуж не возьмёт!»

Ну ничего, она ещё им всем покажет! Вот возьмёт и убежит, не сегодня так завтра, и послезавтра, и послепослезавтра... Замечтавшись о том, как где-нибудь недалеко от деревни, например, на лесной опушке, посреди медленно облетающей с деревьев листвы, она внезапно встретит царевича, Немила взяла в руки лопату и принялась за уборку, не обращая внимания ни на косые взгляды старшей сестры, ни на вид и запах свежих коровьих лепёшек.

## Глава 2

Узкая речушка ещё не успела промёрзнуть полностью, но вдоль её берегов за ночь образовался лёд. Грязь под ногами застыла комьями, из которых тут и там торчали жёлтые палки бурьяна. Прогулка среди такого унылого пейзажа кого угодно ввергнет в хандру, но находиться дома было ещё хуже. Сёстры донимали Немилу с утра до вечера так, что сил не было терпеть. Вот она и сбежала сегодня, ни свет, ни заря, на своё любимое место у реки Ежевики, где летом было чудо как красиво и где обычно собиралась вся молодёжь деревни. Вот только сейчас не лето, а конец осени, и потому Немиле приходилось гулять в гордом одиночестве, а попутно сердито думать о том, что по возвращении снова придётся и дрова рубить, и воду носить.

Она опять припомнила справедливые, но оттого ничуть не менее обидные слова сестёр: «Все, кто живёт в доме, должны вносить свой вклад в общее хозяйство!» – и пнула от злости застывший грязевой гребень.

Знала она, что Злоба и Нелюба в чём-то правы, но знание это отнюдь не облегчало её доли. Что поделаешь, если не любит она трудиться, а любит гулять да веселиться, и ещё больше любит, когда ей говорят о том, какая она хорошенькая, румяная и пышущая здоровьем! Немила подошла поближе к реке, наклонилась и поглядела на своё отражение: красота, да и только! А если, не дай Хорс, начнёт она работать, себя не жалея, то к замужеству вся её красота повыйдет, и тогда какие женихи начнут свататься? Обыкновенные, скучные и неинтересные! А других-то ни в этой деревне, ни в окрестных не водилось. Серьёзные женихи, знатные и богатые, с широким кругозором и опытом, те, что могли занять Немилу историями и задобрить дарами, жили где-то там, в городе, и пусть папа говорил, что «в городе том ничего интересного, один шум и разврат, и бесконечные базары, и никто так не пашет, как мы, да пахнет дурно», но эти слова только раззадоривали молодую и жаждущую вкусить побольше жизни девицу.

А как же мечты о царевиче, спросите вы? За прошедшие полтора месяца о царевиче не появилось ни одной весточки, а в недавнем письме от батюшки было написано всего несколько скупых предложений, среди которых выделялись строки: «... и хоть царь наш не хочет не может поверить очевидному, но я могу точно сказать, что царевича тут нет и никогда не было...»

Всё батюшкино письмо было пропитано разочарованием, которое передалось и Немиле, которая до последнего надеялась, что царевича найдут, вырвут из лап похитителей, причём сделает это сам батюшка, а его потом за это наградят и позволят представить к царскому двору дочерей. То есть в своих грёзах наяву она была единственной дочерью, достойной явиться ко двору, но какая теперь разница?

После батюшкиного письма она вынуждена была расстаться с мечтой о том, чтобы стать царевной всея земли Лыбедской. Всё же это не так уж легко – после царевича снизойти до боярина, дворянина или какого-то купца.

Конечно же, Немила понимала, что если поступать по совести, правильной всего будет пропустить вперёд своих сестёр, а уже когда они устроят личную жизнь, то не зазорно и собственным счастьем заняться. Но это сколько ждать-то?! Когда ещё этих вредин кто-нибудь замуж позовёт?! Ладно Злоба, та и фигурой вышла: бёдра широченные, груди объёмные, руки сильные, на ногах твёрдо стоит. И хозяйка она хорошая, этого у неё не отнимешь.

А вот Нелюба совсем невзрачная, чахнет над своим рукоделием с утра до ночи, не гуляет и почти не ест, а оттого и выглядит соответственно: тощая, цвет лица синевой отливает. Да ещё к тому же капризна – что для дурнушки непростительный порок.

И с такими вот родственницами приходилось мириться. А батюшка притом в вопросе очерёдности на замужество твёрдо стоял на своём: говорил, порядок не должен быть ни в коем

случае нарушен, что младшие никогда не получают его благословения на замужество поперёк старших.

Единственное, что радовало Немилу – это его твёрдое обещание, что уже весной Злоба наконец выйдет замуж, скорее всего, за сына кузнеца, к которому батюшка очень уж благо-склонен.

Но обида на батюшку копилась ещё по другому поводу – на то, что отец никогда не брал дочерей с собой в Лыбедь-град, вечно отговаривался и кормил обещаниями: «Эх, что-то не получается в этот раз, ну ничего, потерпите до следующего раза, тогда уж точно вместе поедим». И так – постоянно, хотя, если подумать, в чём проблема? Они трое уже почти взрослые, а до града – рукой подать, особенно если напрямую через лес двинуться – не тот, что дремучий, а обыкновенный светлый лесок с сухими вытоптанными тропами. Батюшка, правда, через лес редко ездил, говорил, что лошадям там беспокойно, да и самому ему больше по душе были широкие просторы. А ей самой очень даже нравилось в лесу, особенно по весне, когда листочки-цветочки уже успели распуститься, но трава и кусты ещё не заплели землю настолько, что не видишь, куда ступаешь.

Эх, нескоро наступит чудесная пора, а пока в лесу делать нечего. Впрочем, и у реки гулять Немиле уже наскучило. Вернуться бы домой, отогреть на печи бедные ноженьки замёрзшие, так кто ж даст? А батюшка к тому же эту противную соседку, дородную и громкую Смеяну, попросил за сёстрами приглядывать, а это значит, что ей одной аж перед тремя противниками придётся отстаивать своё право ничего не делать. И она, конечно же, опять проиграет.

Немила ещё раз глянула на своё изображение – ну, красота ж неписаная, не абы кому предназначенная! – затем поправила пуховый платочек на голове, домой засобиравшись, когда вдруг заметила на фоне пыльно-коричневой земли яркое пятнышко, от которого, как от маленького солнышка, отходили в стороны красно-оранжевые лучи. Поначалу она не поверила своим глазам, но цветок разве с чем-нибудь перепутаешь? Не был он похож ни на клочок лисьей шерсти, ни на капли свежей крови – солнышко и есть солнышко, с правильной формы лепестками, едва проглядывавшейся жёлтой серединкой, и зелёным тоненьким стебельком, от которого в стороны отходили два сочных на вид листочка.

Может, цветок вырос слишком поздно, едва успел распуститься, как ударили первые морозы? А от морозов застыли лепесточки, зачоченел стебелёк, и краски летние яркие не успели из них повыйти.

Но присела Немила, коснулась головки цветка пушистой, и ощутила под пальцами не твёрдое и холодное, а мягкое и тёплое. Отдёрнула она руку – а цветок-то взял и у самого основания переломился, от одного лишь прикосновения!

С немым укором он лежал на ледяной земле, такой беспомощный и одинокий, да тут ещё некстати задул ветер, который начал тормошить и попинывать лежачего, прямо как сёстры по утрам безжалостно измывались над Немилой, заставляя её встать. Стыдно ей стало. Это ж надо, своими руками угробила кусочек уникальной застывшей красоты, который, может быть, стоял бы себе тут всю зиму, а теперь валялся, сломанный, с немым укором повесив свою огненную головку.

На этом бы и всё – оставить того, над кем и так уже достаточно успела надругаться, – но разве ж это по-человечески, вот так бросить поверженного? Подняла Немила цветок, зажала его между двумя пальцами и поближе к глазам поднесла, не переставая дивиться тому, что на вид тот выглядел таким полным жизни и свежим, словно стылая илистая грязь, в которой и летом-то росли одни камыши, все силы потратила на то, чтобы взрастить одно-единственное настоящее чудо.

– Я тебя домой возьму и в воду поставлю, – шепнула Немила, обращаясь к цветку. – Будешь в тепле стоять да меня долго радовать, слышишь? И о лете напоминать...

Поднялась она с колен, расстегнула на себе полушубок, сунула за пазуху руку с зажатым цветком и скорее домой заспешила.

Грусть её развеялась, сменившись чистой радостью, а встречу с цветком Немила теперь как везение рассматривала. Может, ей была послана эта радость свыше, тем, кто знал, как она в последнее время страдала из-за отсутствия батюшки и нападок сестёр? Эта мысль понравилась ей, и Немила решила, что никому она не покажет свой цветок, не позволит ни единым взглядом опорочить свой прекрасный дар.

К дому вела привычная дорога: через мост, дальше по тропинке через поле, в крошечный подлесок, оттуда на невысокий холм – чтобы немного удлинить себе путь – и вниз, в деревню. Всю дорогу в голове её крутилась одна мысль: только бы из людей никого не встретить, взглядов и вопросов любопытных избежать, цветочек утаить. Зимой развлечений народу мало, и, если понесётся молва по деревне, обязательно попрутся все по очереди на чудо смотреть, а то и всем скопом явятся, отбоя от них не будет.

Вот показались ближайšie дворы, большой колодец, залаяли собаки. Немила ускорила шаг, почти побежала, а на оклик соседки, прозвучавший из-за забора, отговорила, что замёрзла, и мигом шмыгнула за дверь, оставляя без ответа возмущённую реплику: «Так не гулять надоть, а делом заниматься! Кто делом занят, тот никогда не мёрзнет!»

Терпеть не могла Немила эту розовощёкую, похожую на свинку Смеяну, и детей её невоспитанных тоже. В отсутствие батюшки так и норовила та к ним в дом залезть, якобы с проверками ходила, на самом деле возле Злобиной кухни тёрлась, якобы рецепты выводывала, а сама стряпни напробоовать не могла: то со своим младшим дитёнком-поросёнком пяти лет от роду в кашу немые пальцы засунет, то к киселю овсяному стоит принохивается, то от хлеба свежвыпеченного оторваться не может. И всё приговаривает: «Ах, какие же вы везучие, вчетвером в таких хоромах живёте, подумать только, у каждой отдельная комната! Дед ваш покойный расстарался, всю жизнь на этот дом положил, и надо ж – помер через неделю после того, как последнюю ставень на окно повесил. Столько сил истратил, считай – впустую! Сам-то в доме и не переночевал ни разочка. Я вот думаю иногда, что, если нам с муженьком халупу свою расширить, а потом как прикину, сколько сил придётся на этакий домину тратить, и кумекаю про себя: да ну его! У нас на шестерых целых две комнаты, живём себе и в ус не дуем».

Пробежала Немила через сени в горницу, оттуда, прислушиваясь к каждому шороху и стараясь ступать по ступенькам как можно тише, на второй этаж, и – в свою светлицу. Лишь плотно закрыв входную дверь, она наконец смогла скинуть с себя полушубок и посмотреть, что случилось с цветком.

– Красный мой, прекрасный, если бы не я, то замёрз бы, бедненький, – с нежностью приговаривала она, с удовольствием прислушиваясь к собственному мелодичному голосу. В помещении цветок стал будто бы ещё краше – стебелёк что выправка царских вестников, головка гордая, лепестки во все стороны топорщатся.

Ёмкости, куда поставить цветок, равно как и воды, в комнате не было. Немила на цыпочках спустилась вниз, осторожно выглянула из-за печи и уткнулась взглядом в толстый Злобин зад. Старшая сестра была практически единоличной хозяйкой кухни, у неё было полно собственных придумок и секретов, как сделать еду ароматнее и вкуснее. Немила в дела Злобы не вникала, потому как ей это было не особо интересно, а на наставления старшей сестры, навроде: «И кто тебя, такую неумеху, в жёны-то возьмёт?» презрительно фыркала.

Её-то, и чтобы не взяли?!

А Злоба ещё с ехидцей добавляла: «Я скоро в мужний дом съеду, и тогда будешь плакать над своей горелой кашей горькими слезами».

«Скатертью дорожка», – с ехидцей думала Немила. Жених у Злобы был здоровенный, как боров, глуповатый и склонный к обжорству, зато работающий – на поле обыкновенно так махал косой, что в одиночку двойную норму выполнял. В общем, он составлял старшей сестрице

идеальную пару. Немиле же нравились совсем другие парни, менее грубые, умные, не лезущие за словом в карман, так что она совсем не завидовала и снисходительно желала Злобе семейного счастья, тем более что замужество Злобы приближало её собственное. Ещё бы выпихнуть из родительского дома Нелюбу, эту паршивую овцу в семействе, да только ж ту чахоточную с места не сдвинешь. Денно и ночью та не выходит из комнаты, а только ткёт, и прядёт, и вышивает... Вся изба уже завалена ковриками, скатертями, салфеточками, а вот женихов до сих пор как не было, так и нет, и её саму такое положение как будто бы устраивает.

Тихонько, стараясь не привлекать к себе внимания, Немила прошла к полкам с деревянной посудой. «Эта подойдет», – подумала она и потянулась к расписной красно-жёлтой миске, стоявшей на самом верху. Не могла она позволить, чтобы цветочек в абы какой неприятельной чеплашке стоял, откуда каждый день похлёбку хлебают.

Брякнула соседняя посуда – напевавшая что-то себе под нос Злоба прытко развернулась на месте и упёрла руки в бока.

– Мы тебя обыскались, – обвиняющим тоном начала она, грозя в сторону Немилы пальцем. – Скотину-то ты накормила, напоила, а в хлеву кто убирать будет?

Лицо Немилы перекошило от недовольства и обиды, но сегодня она не желала спорить и лишь буркнула:

– Дай хоть водички попить, – и, обогнув широкую фигуру сестры, направилась к стоящему на полу глиняному кувшину.

Злоба же, едва оправившись от удивления, в спину ей прикрикнула:

– Миску праздничную на место поставь, не то ещё разобьёшь, недотёпа! Канопку возьми и попей, как это делают нормальные люди!

Сжала Немила зубы от досады, с гордо поднятой головой обратно мимо Злобы прошагала, поставила миску расписную на место, подавив в себе желание как следует грохнуть её о полку: слишком хорошо знала, какими это грозит последствиями. Затем она взяла со стола простую коричневую канопку из глины и под бдительным взглядом сестры зачерпнула из кувшина прозрачной воды, которая от жара печи уже успела прогреться до температуры чуть выше комнатной.

Собралась Немила юркнуть на лестницу, но не тут-то было. Встала Злоба в проходе, ноги широко расставила, в руках полотенце скрутила.

– А куда это ты собралась?

– Так у меня полушубок наверху остался, – мирным тоном ответила Немила, а сама к задней двери стала пятиться.

Злоба угрюмой горой вперёд двинулась, но Немила была проворнее. Она резко развернулась, не расплескав при этом ни капли, в пару шагов оказалась у задней двери, оттуда по лестнице вниз и через ворота скотного двора выскочила на улицу.

– Что же вы без меня будете делать, бедовые? Грязью зарастёте, но раньше голодной смертью погибнете, не сумею даже хлеба испечь! – прокричала ей вдогонку Злоба, однако гнаться не стала.

Немила обогнула избу и снова вошла через сени, нарочито избегая любопытного взгляда Смеяны. Снова она поднялась на второй этаж, протопала мимо Нелюбиной комнаты и хлопнула дверь в свою.

Цветок лежал там, где она его и оставила, возле набитой травами подушки, прикрытый от посторонних глаз краем пухового головного платка. Немила села на постель, одёрнула платок и склонилась над своим маленьким чудом. Сперва ей показалось, что красные лепестки потухли и обвисли – от расстройства даже горло перехватило. Но стоило взять цветок в руки, как дышать снова стало легче – нет, прежние цвета и свежесть никуда не делись. Наверное, просто показалось.

– Смотри, что я тебе принесла. Попьёшь и станешь ещё лучше, – проворковала Немила.

Едва она успела поставить цветок в канопку и спрятать тот в неприметном углу возле спального места, как дверь комнаты распахнулась, и на пороге возникла Нелюба.

Зимой Нелюба всегда мёрзла, поэтому она почти не снимая носила самодельный длинный тулупчик, поддевая под него ещё несколько слоёв одежды, но эти усилия не могли скрыть её ненормальной худобы.

Из-за недостатка объёма лицо Нелюбы казалось довольно-таки безобразным: лишённое здорового румянца, с узким лбом и длинным острым подбородком, с тонкими губами и впалым щеками. Можно было подумать, что она чем-то больна, но Нелюба всегда, с самого детства, была такой, и вопреки словами батюшки: «Ничего, со временем вес наберёт», той никак не удавалось поправиться, что, в общем-то, и неудивительно, учитывая, что ела Нелюба совсем помаленьку, каждый раз с таким видом, словно ей приходится себя пересиливать. И это при том что стряпня Злобы считалась лучшей на деревне!

– Чего тебе надобно, Нелюба? – первой спросила Немила, пока её сестра нахально общалась взглядом комнату – вверх и вниз, слева направо.

Говорят, к барским и царским особам никто никогда не входит без стука, а деревенские, простые, не имеют привычки церемониться, особенно в светлое время дня. Надо – зашли, не надо – тоже зашли, чего такого-то? И пусть Немила уже не раз и не два просила стучать перед тем, как войти, её слова всегда пропускались мимо ушей.

– Я хотела иголку попросить, – рассеянно протянула Нелюба. – А тут вдруг вспомнила, что ты в своей светлице ничего рукодельного не держишь. Что ж, пойду я, а то вышивку на настенном панно нужно доделывать, там осталась самая малость. У Злобы поищу, у неё добра много, и иголочка точно найдётся.

Уже начав разворачиваться, та вдруг остановилась и обронила:

– Если хочешь, можешь зайти посмотреть, что получается. Я решила изобразить битву трёх братьев и сестры за Лыбедь-град. Знатная красота выходит, только нитей дорогих нет достаёт.

Немила отнеслась к приглашению сестры благосклонно, поскольку к героической истории об основании царства Лыбедского она до сих пор испытывала самые нежные чувства, а на саму царицу Лыбедь по-прежнему мечтала походить. Она ответила:

– Я найду, только водички попью и оденусь для коровника, – а сама поправила платочек рядом с собой.

Удовлетворившись ответом, Нелюба вышла из комнаты. Тихо открылись и затворились поочередно две двери.

Ни один лучик солнца не проникал в комнату из-за затянутых бычьим пузырьём и прикрытых снаружи ставнями окон. Столько свечей, сколько за зиму, не тратилось ни в какое другое время года, только неспособны они были развеять темноту, неделями и месяцами царившую в каждой избе Лыбедского царства.

В хлеву было ещё хуже, к темноте добавлялся ветер, дувший изо всех щелей, пол, скользкий от животных испражнений, и, конечно же, запах. Немила тщательно выполнила свою работу, а когда закончила, солнце уже касалось верхушек деревьев.

Поспешила она в баню, где ополоснулась водицей освежающей, затем переоделась в чистое и на ужин заторопилась, потому как страшно проголодалась. В горнице уже был накрыт стол. Тут же сидела Злоба, которая кулаком подпёрла щеку и любовно оглядывала плоды своего труда. Сестрица Нелюба тоже была здесь – с привычным уже кислым видом косилась на свою миску и позёвывала.

А Злоба, только увидела младшую сестру, так сразу засуетилась – по кружке молока всем налила, жаркое по мискам разложила, приговаривая: «Надоело одной кашей питаться, вот с утра и зарезала одного петушка. Ну не беда, у нас их ещё достаточно, до весны хватит, а там цыплят заведём».

В отсутствие мужчин тяжело было, на охоту ходили только юные мальчишки, а их на всю деревню не так уж много приходилось, и мастерства им не особенно доставало, чтобы всю деревню прокормить. Так что свежее мясо на столе бывало нечасто, и это всегда становилось праздником.

После ужина сёстры разбрелись по своим комнатам. Немиле, как и остальным, достался малюсенький огарок свечи, которого едва хватило бы на то, чтобы приготовиться ко сну, поэтому зайдя в комнату, она сразу, не тратя времени впустую, бросилась к углу, рядом с которым проходила печная труба.

От неё, побеленной, веяло теплом, было даже немного жарковато. Цветок стоял за углом печи, чуть завалившись набок, канопка была для него явно мала, но выглядел он недурно, гораздо лучше тех полевых цветов, которых нарвёшь целую охапку, а пока донесёшь до дома, половину уже можно выбросить.

Немила вытащила цветок из воды и вместе с ним присела на постель. Не походил цветок ни на один из известных ей, а она любила цветы и знала о них немало.

Поднеся бутончик к носу – тот был полностью раскрыт, словно не успел заметить наступления ночи – Немила принюхалась. К её сожалению, тот не пах совершенно ничем – ни приятной сладостью, ни лёгким запахом разложения, как иной раз могут пахнуть самые красивые из цветов.

Но не успела Немила поразмыслить над особенностями своей находки, как вдруг произошло нечто невиданное. Красные лепесточки внезапно скукожились, стебелёк изогнулся, несколько раз дёрнулся, а затем забился в агонии, словно только что изловленная скользкая и вёрткая рыбёшка. Не удержала Немила свою находку, вырвался цветок одним резким движением из рук и камнем упал на деревянный пол.

## Глава 3

Сравнение с камнем тут дано не для красного словца. Звук от удара об пол был такой, будто цветок весил как минимум полбезмена. Стоило коснуться пола, как он испарился, а ошалевший взгляд Немилы упёрся в изящные сапожки красно-коричневого цвета, перетянутые поперёк стопы ремешками, богато отделанными золотом и цветными камнями. Золото и камень загадочно мерцали при свете свечи, над голенищами сапог лёгкими волнами нависал синий шёлк шаровар, и сверху всё это великолепие было прикрыто поистине роскошным кафтаном с позолоченной вышивкой.

От восхищения Немила забыла испугаться. Она поспешно перевела взгляд выше, чтобы с почтительным благоговением глянуть в лицо незваному гостю. Значит, это правда, значит, боги услышали её мольбы и послали ей настоящего царевича! – Кто же ещё мог стоять перед ней, такой невозможно прекрасный, весь словно сотканный из тумана, белолицый, с огромными чёрными глазами, любопытно глядящими из-под нахмуренных бровей, носом, похожим на наконечник стрелы, настороженно сжатым ртом и немного женственным овалом подбородка! Волосы его почти полностью были скрыты отороченной белым мехом шапкой, но пара чёрных вихров самовольно торчала наружу.

Сапоги шевельнулись, незванный гость сделал шаг назад, в тень, и оттуда негромким голосом проговорил:

– Здравствуй, девица-красавица, ты уж не сердчай, я не хотел тебя пугать.

В тени его лицо приобрело налёт трагичности, и это впечатление не смогло разрушить даже громкое сестринское «кхе-кхе», донёсшееся из соседней светлицы.

Немила приложила к губам палец, а потом на цыпочках метнулась до двери. Когда она повернулась, поблескивающая золотом фигура продолжала стоять на прежнем месте, а круглые, широко распахнутые глаза со сдержанным любопытством следили за действиями хозяйки комнаты.

Она поставила перед гостем колченогий табурет и знаком предложила присесть. Ничего лучше предложить она не могла, но позволить столь высокородной особе, ещё и мужского пола, сидеть на своей постели, было бы совсем уж неприлично.

Гость не оскорбился столь скромным предложением. Напротив, он присел на табурет с явным облегчением, будто ожидал куда худшего приёма. «Бедный! – подумала Немила. – Что же с ним приключилось? Какая беда с ним стряслась?»

Она набрала в грудь воздуха, чтобы задать свои вопросы вслух, но от смущения не смогла произнести вслух ни слова. Однако гость заговорил сам, точнее, тихонечко зашептал, подавшись вперёд и преклонив голову, отчего девичье сердечко застучало чаще:

– Прости, что вторгся вот так, без приглашения. Ты, наверное, и понятия не имеешь, кто я такой?

Немила отрицательно мотнула головой. Губы её всё ещё не слушались, да и не хотела она попасть впросак с догадкой, которая так и рвалась наружу. К тому же вид у гостя был такой затравленный, что она боялась ненароком спугнуть его или обидеть своими грубыми манерами.

– Я расскажу тебе свою историю, – пообещал незнакомец. – А для начала ответь, как зовут тебя, красавица?

Она выпалила своё имя – «Немила» – а он, кивнув удовлетворённо, как и обещал начал рассказывать:

– Кажется, случилось это целую вечность назад. Был я когда-то младшим сыном в семье, и имелось у меня два брата. Настала нам пора жениться, и придумал отец, как с помощью женитьбы нашей Ему угодить, дабы добиться ещё большего от Него покровительства. Решил он, что не должны ни мы сами, ни наше окружение вмешиваться в провидение Его, а для того

дал нам три лука, три стрелы, и отпустил нас на три разные стороны. Знакомо ли тебе то, о чём я говорю?

Немила не поверила своему везению, но кивнула.

– Тогда я буду краток, – скромно ответил высокородный гость. – Братья мои ушли совсем недалеко от того места, где мы расстались. Запустили они свои стрелы ввысь, и упала одна из них на окраине Лыбедь-града, а другая до деревни ближайшей долетела. Одну стрелу подняла купеческая дочь, а другую – боярская. Я услышал об этом уже много позже, поскольку к тому времени, как они нашли свои стрелы, уже далеко от града отошёл и в чашу лесную углубился. Не знаю, чего меня туда понесло, но ошибка моя оказалась роковой, ибо застрял я в болоте.

Немила тихо охнула. Она обожала истории, которые вызывали во всём теле мурашки, но обычно происходящее в них было делом давно минувших дней, а то, что рассказывал желанный и гость, относилось к совсем уж недавнему прошлому, а потому вызывало в ней особый душевный трепет.

– По первости подумал я – всё, умру прямо в той трясине, потому как докричаться мне не удалось ни до одной живой души, но потом вспомнил о наказе батюшки и последним отчаянным движением послал в неизвестность свою единственную стрелу, не надеясь уже ни на скорую женитьбу, ни на спасение.

Помолчал он немного, а потом вздохнул тяжело и продолжил:

– Как ты понимаешь, настигло меня спасение из непростого положения, но такое, что я уже не рад был и желал смерти в том болоте. Моя стрела застряла в избе страшной колдуньи, которая живёт в лесной чаще испокон веков и которую всякий благоразумный люд всячески избегает тревожить. Ты, конечно, понимаешь, о ком я говорю.

Немила совершенно искренне ужаснулась. Речь шла о той самой колдунье, которая когда-то помогла Лыбели и Кию, той самой, которая предупредила людей не попадаться ей на глаза. О Бабе-яге, жуткой обитательнице дремучего леса и его охранительнице, встреча с которой никому не сулит добра!

– И что было дальше? – пискнула Немила.

Гость сцепил руки в замок и преисполненным трагизма голосом шепнул:

– Она потребовала с меня исполнить волю отца и жениться. На ней, на тысячелетней старухе! А ежели откажусь, пообещала меня проклясть на веки вечные. А теперь позволь представиться. Я Иван, царский сын.

Вот и упал покров тайны окончательно. Перед Немилой стоял один из трёх претендентов на престол, пропавший царский сын, в точности такой, как на портрете, только ещё живей и прекрасней.

Но жениться на колдунье! Чуть не заплакала она от жалости к царевичу и к самой себе – неужели, неужели счастье упущено! Царевич уловил её состояние, чуть наклонился вперёд и успокоительно произнёс:

– Ну-ну... что же ты... не плачь, пожалуйста. Я же не сказал самого главного. Я отказался связывать себя с колдуньей. А иначе разве ж я стоял тут перед тобой? Но правда и то, что я не могу жениться ни на ком другом, а потому не возвратиться мне домой никогда.

Слёзы высохли, не успев пролиться. Немила с интересом вскинула голову.

– Чего это... – выдохнула она, – чего это не можешь жениться?

\* \* \*

Чёрный цвет глаз – самый загадочный из всех. Как ни описывай такие глаза – бездонные ямы, ступки чистой тьмы, непроницаемая ночь – ничто из этого даже близко не стоит с теми ощущениями, какие испытываешь, глядя в них: любопытство, смущение, жар и безотчётный сверлящий страх...

Пожалуй, спрятано в их глубине что-то нечеловеческое, не от мира сего, возможно и вовсе не живое. На своей памяти Немила никогда ещё не встречала людей с такими глазами, а если бы встретила, то обязательно бы запомнила: такое сильное впечатление они на неё произвели.

Царевич медлил с ответом, чего-то выжидал, чем доводил её едва ли не до иступления. Я готова на всё ради тебя!» – чуть было не крикнула она. Зачатки скромности удержали её от этого, а по вздоху, вырвавшемуся из груди царевича, она поняла, что его одолевают невероятные душевные муки.

Но Немилу никакие муки не одолевали, напротив, она рисовала перед взором картинку, достойную того, чтобы быть воплощённой в прекрасном панно, которое могло бы занять достойное место в царских хоромаш.

Царевич снова взял дыхание и выпалил, стараясь не смотреть в сторону Немилы:

– Ты такая красивая... Я уже влюблён... Но... Нет, не смею просить... Женитьба на тебе, Немила, могла бы сделать меня самым счастливым из людей, счастливее даже собственных братьев, однако, Яга меня так просто не отпустит. Согласно её завету, я должен провести три ночи под крышей у полюбившейся девушки, а на третью ночь...

Он вроде бы покраснел – сказать наверняка в плохом свете было сложно – но быстро взял себя в руки и продолжил:

– На третью ночь моя возлюбленная должна подарить мне поцелуй – лишь только в том случае, если её чувства крепки и она в них уверена. Иначе я умру. А ежели я не найду суженой, то обречён я на пожизненное скитание у границ дремучего леса, без надежды когда-нибудь снова увидеть свой дом... Ты бывала когда-нибудь в Лыбедь-граде? Нет? Если захочешь, он станет и твоим домом.

Немила сделала большие глаза и прикрыла рот ладонями, не в силах поверить, что прямо сейчас сбывается её самая заветная мечта. А царевич тем временем придвинулся, взял немилину левую руку и, глядя немного исподлобья, спросил:

– Поможешь ли ты мне скинуть оковы, что непомерной ношей возлегли на меня стараниями лесной хозяйки, обиженной и отвергнутой?

Сердце Немилы совершало в груди разнообразные кульбиты. Лишь ощущение прохладных пальцев и желание услышать ещё каких-нибудь приятностей удерживало её от того, чтобы упасть в обморок.

А царевич продолжал говорить, всё больше распаясь в своём красноречии:

– Я обещал отцу, что вернусь в Лыбедь-град с возлюбленной, и не нарушу своего обещания. Отдавшись на волю провидения, я вынужден был месяцами скитаться, пытаюсь найти выход из своего положения, пока не понял: Яга помогла мне, она подсказала, что моя возлюбленная находится далеко за пределами полёта стрелы, а я должен поистине постараться, чтобы найти её. Поэтому я летал по свету – куда мог долететь, скованный ограничениями злой старухи, – я оборачивался летучей мышью, прыгал лягушкой и ползал змеем – ведь моя пленительница наделила меня способностью принимать лишь самые неприглядные образы – чтобы найти ту самую, при виде которой пойму – вот моя судьба, вот та, кто поможет мне вернуться домой.

Царевич выражался как-то уж очень муторно и сложно. Немиле показалось это немного чудным, но когда тот снова взял её руку и приложил к своему сердцу, то всё внутри неё замерло.

– А как же цветок? – с глупой улыбкой спросила она.

– Это моя четвёртая личина, которую я до сих пор считал самой бесполезной, – серьёзно ответил царевич, вглядываясь в Немилино лицо. Она снова покраснела и немного отпрянула от свечи, чтобы скрыть своё смущение.

– Ты... сможешь мне снова стать прежним? – нарушил царевич возникшую паузу, на что она, не раздумывая, согласилась:

– Я сделаю всё, о чём ты меня ни попросишь! – сказала она полушёпотом и склонила голову.

В этот самый момент оранжеватое пламя свечи многозначительно дрогнуло, намекая, что гореть ему осталось недолго, и тогда царевич, скосив глаза на свечу, быстро проговорил:

– Раз так, тогда раздевайся и спать ложись, как обычно. Обо мне не беспокойся, я прилягу на полу немного передохнуть, а когда ты утром проснёшься, то найдёшь под подушкой цветок. Вынеси его во двор, но так, чтобы тебя никто не видел, и брось наземь. Вечером, перед закатом, вернёшься на это место, я буду тебя ждать.

Немила только и успела ответить:

– Хорошо, я всё сделаю, – как свечное пламя пару раз колыхнулось и затухло. И сразу стало как будто бы гораздо холоднее, в особенности тогда, когда Иван-царевич выпустил её руку и стал с тихим шорохом укладываться на полу.

– Не волнуйся, я лягу поближе к печи, – раздалось в темноте. – И обойдусь без подстилки. Месяцы жизни в природе приучили меня быть непритязательным.

Царевичев голос был смиренным и успокаивающим. Немила улеглась на постель, голову пристроила на мягкую подушку, натянула на себя одеяло. Темнота, тишина, едва ли нарушаемая размеренным дыханием, вкупе с телесной усталостью и душевной наполненностью, очень быстро сморили её.

\* \* \*

Петух верещал не прекращая. Немила перекатывалась с боку на бок, сердилась в полудрёме, но глаз открыть не могла, пока дверь в её комнату по-хозяйски не распахнулась и не затопали по полу четыре ноги, две из них ступали громко и тяжело, другие две – крадучись, почти невесомо.

Сначала с неё нахально стянули одеяло, а затем начали щекотать в четыре руки. Немила задёргала конечностями, сонно захихикала, крикнула: «Всё равно не встану!», и на несколько очень коротких мгновений её и правда оставили в покое, но стоило зарыться лицом в подушку, как она почувствовала невесомое прикосновение к волосам, от которого её сразу пробрало и стало жуть как неприятно и холодно. Холодное касание прошло по её затылку, устремилось за ворот рубахи, тогда она подскочила с постели, как ужаленная, и злобно уставилась на сестёр.

В руках у Нелюбы находилась та самая канопка, которую Немила вчера задвинула в дальний уголок. При взгляде на канопку, в которой, она уверена, теперь уже не осталось ни капли воды, Немила вспомнила обо всём, что произошло ночью, и особенно – о своём стоворе с царевичем Иваном.

– Ну что, приснился суженый-ряженный? Кто во сне тебя через мост переводил – купец, боярин, али сам царь? – поддела Немилу Злоба, решившая, что младшая сестра этой ночью гадала на будущего мужа. Немила уже собиралась огрызнуться, когда в разговор влезла средняя сестра.

– Не понимаю, как можно столько спать, особенно, когда петухи так надрываются добрую половину ночи?

Увидев недоуменное выражение на лице Немилы, осуждающе покачала головой и пожаловалась:

– Везёт же некоторым! Дрыхнет себе и хоть бы хны, ничего не слышит! А я, между прочим, как проснулась ни свет, ни заря, так до самого утра глаз не сомкнула!

Немиле показалась, что Нелюба хотела добавить что-то ещё, но Злоба не могла потерпеть, когда домашние дела не выполнялись немедленно, по одному её слову, поэтому она перебила сестру и сварливо проскрипела:

– Вставай давай, корова сама себя не подоит!

Но сон уже слетел с Немилы и без настойчивых криков сестры. Она бодро вскочила с постели, после чего стала выпроваживать обеих любительниц испортить утреннюю негу.

– Посмотрите, я встала! Будут коровы подоены, куры накормлены, свиньи вычищены! А вы идите, идите, своими делами занимайтесь и обо мне не переживайте...

Чтобы доказать серьёзность своих намерений, она начала заправлять постель, подавив в себе жгучее желание заглянуть под подушку и убедиться, что её цветочек, её Иванушка, действительно находится прямо здесь, под рукой, что не улетел он от той, что нарёк своей возлюбленной, не уполз и не... упрыгал.

Сёстры переглянулись круглыми от удивления глазами, пожали плечами и молча вышли из комнаты.

Стоило двери комнаты затвориться, как Немила бросила прежнее занятие и запустила руку под подушку. Цветочек нашёлся без малейшего труда, лежал он прямо на постели и ничем не отличался от того, вчерашнего, что она случайно увидела во время прогулки. «Нет, вовсе не случайно», – возразила себе она. Иван наверняка видел, как она гуляла, какое-то время наблюдал за нею, приглядывался. Любовался.

«Нужно запастись свечами, но так, чтобы сестрицы не заметили», – сделала она себе зарубку в памяти. Впереди ещё две ночи, и хочется наболтаться с возлюбленным всласть, глядя глаза-в-глаза.

Ещё её немного беспокоила Нелюба, чья светлица была смежной с Немилиной. Немила не могла отделаться от мысли, что та при желании легко может прокрасться к двери и застучать их с Иваном. Стены, конечно, в доме толстые – дед постарался на славу – но лучше лишний раз не давать повода себя в чём-то подозревать.

Сегодня Немила обращалась с цветком ещё нежнее, чем вчера. Она повесила на пояс поверх юбки вместительный мешочек и спрятала свою ценность в туда. Затем накинула поверх рубахи тулуп, поверх тулупа – полушубок (печку только недавно затопили, и это чувствовалось; по дому гулял холодок) и спустилась вниз, через сарай выскочила на улицу и побежала за баню.

Не будь она так занята мыслями о том, как бы незаметно выполнить просьбу царевича, то обязательно обратила бы внимание на то, как по её приближению животные в сарае разволновались: лошади испуганно заржали, петухи снова завопили во всё горло, а коровы беспокойно замычали.

Но, погружённая в свои фантазии, она навалилась на тяжёлые двери, буркнула:

– Да не так уж вы и голодны! Сейчас покормлю, подождёте ещё немного, – и выскочила на морозную улицу.

За баней Немила вынула из мешочка цветочек, повертела его в руках, украдкой посмотрела по сторонам, после чего с нарочитой непринуждённостью отбросила цветок в сторону.

Превращение произошло мгновенно. Едва цветок коснулся земли, как на его месте возникла чёрная костлявая летучая мышь, которая обернулась на Немилу, пискнула и взлетела в воздух. След мыши тут же простыл, только и успела Немила увидеть, что та обогнула взхолмье и в сторону дремучего леса полетела. Вздохнула Немила, постояла немного, глядя вдаль, пока не начала мёрзнуть, вздохнула ещё раз, горше, чем в первый, и вернулась в сарай, где приступила к своим мучительным обязанностям.

Время до вечера тянулось очень долго, а дела, казалось, не кончались: управившись со скотиной, Немила нарубила дров (иногда этим занималась Злоба, а у Нелюбы обычно не хватало сил даже на то, чтобы поднять топор), перетаскала дрова в дом, помогла с растопкой, а потом вместе со Злобой вымыла весь дом, сверху донизу, пока Нелюба стряхивала пыль со своих вышивок. К закату Немила едва могла разогнуть спину, но мысли о царевиче оживляли её и поднимали настроение.

Ужин прошёл тихо, если не считать одного едкого замечания Злобы:

– А чего это ты сегодня ни разу носу на улицу не показала? Обычно домой не загонишь в мороз и стужу. Признавайся, что случилось? Ждала что ль кого-то?

Немила со сдержанной улыбкой открестилась от любых намёков и расспросов, с почти-тальной улыбкой заметив, что на улице слишком холодно, что исходила она все места около деревни и нет ей пока никакого интереса выходить за пределы двора. Последнее было отчасти правдой, ведь боялась она отлучиться, дабы не пропустить возвращения Ивана, а вместо отлучки весь день выглядывала за дверь и присматривалась к небу в ожидании, не появится ли над верхушками деревьев тёмный крылатый силуэт. Но нет, одни лишь вороны изредка пролетали мимо деревни в поисках пищи.

Злоба восприняла отговорки Немилы серьёзно. Она подалась вперёд и пониженным тоном голоса ответила:

– Вот и я думаю, что пока нам не стоит далеко от дома отходить. Смеяна сказала, а той – старая Мокша, что неспроста ночью петухи бесновались. Плохой то знак, и нужно быть насто-роже.

Мокша была старой вдовицей, что жила через два дома от сестёр. Приходилась она свояченицей смеянинному дядьке, и после смерти мужа въехала в его дом, что не слишком-то обрадовало заядлого семьянина с кучей детишек по лавкам, но и отказать вдове он не мог, ведь у той, кроме сестры и племянников, совсем никого не осталось, поскольку своих детей за два десятка лет они с мужем так и не нажили. Поговаривали о Мокше всякое: о дурном глазе, о всяких дурных наклонностях, о том, что та детей никогда не хотела и делала всё возможное, чтобы не понести, а ещё о том, что настолько та была ленива, что всё хозяйство на мужа пере-ложила – вот тот и крикнул от перенапряжения.

От скуки или от начинавшегося старческого беспамятства Мокша в последнее время стала говорить много разного. Кто-то ей верил, но чаще слова несимпатичной стареющей вдовицы пропускали мимо ушей, а иногда над той даже открыто посмеивались. Можно сказать, что одна лишь Смеяна прислушивалась к бредням старой, а поскольку та частенько ошивалась в доме сестёр, то им приходилось выслушивать эти «откровения». Впрочем, Немила заметила, что Нелюба тоже не выносит Смеяну и при её появлении старается вести себя тише воды ниже травы. А вот Злоба прислушивалась к назойливой соседке и иногда принимала её рассказы слишком близко к сердцу.

Немила и к Мокше особой симпатии не испытывала, навек запомнив, как та ей, ещё совсем ребёнку, сказала держаться подальше от любых водоёмов «чтобы матушка с собой не забрала».

После предостережения Мокши Немила, напротив, стала бегать к речке в два раза чаще, ведь она искренне желала встретить матушку. Правда, ничего у неё не вышло, но с тех пор Немила приобрела стойкую привычку делать всё наперекор воле старших. Исключением стал батюшка, которого она любила без памяти и просьбы которого всегда выполняла с особым рвением.

Но по вине неуёмных животных Немилу и саму весь день мучали нехорошие мысли. Ещё утром до неё дошло, что петухи и скот учуяли чужого человека, потому и бесновались. Но ей необходимо было отвлечь сестёр, оттого она сейчас же начала посмеиваться:

– Подумаешь, петухи! Может, это они к скорой оттепели пели!

– Да какая оттепель, Немилушка, впереди самая стужа, – печально усмехнулась Злоба, а Нелюба демонстративно поправила пуховую шаль. До января оставалось рукой подать, а там, как известно, самые морозы начнутся, по-другому и быть не может. Немила это прекрасно знала, но всё равно наигранно зевнула и приняла скучающий вид.

– Ох, а какая Смеяна сегодня расстроенная была! – вспомнила Нелюба и передёрнула плечами. – Мне так и чудилось – вот-вот расплачется. Конечно, тяжело ей одной с тремя детьми и немощной старухой, да куда деваться-то!

Тут Немиле стало окончательно тошно. Приуныла она вместе со всеми, даже разогретое со вчерашнего дня жаркое в рот перестало лезть.

– Скорей бы батюшка и остальные вернулись, – выдохнула она, бросив ложку. Злоба и Нелюба понимающе закивали головами: каждой женщине в деревне не хватало твёрдого мужского плеча, хоть они и старались пореже в этом признаваться, чтобы себе и другим настроение не портить.

Посидели сёстры втроём ещё немного, в полной тишине поковыряли свою еду, а потом Злоба встала, вышла из горницы в сени, вернулась и сказала во всеулышание:

– Закат близится, пора убирать со стола.

Не поднимая глаз, Немила вылезла из-за стола.

– Скоро вернусь, – бросила она и, не дожидаясь возражений, выбежала на задний двор, в условленное место – прямо за баней. Вечером на улице холодало стремительно. Правы были сёстры, никакой оттепели тут и не пахло. Немила сразу же начала мёрзнуть и пожалела, что выскочила в одном тулупчике, без полупрубка.

Она глядела вдаль, туда, где начинался лес, стараясь высмотреть в небе тёмную крылатую фигуру, но безуспешно. Солнце уже скрылось за верхушками деревьев, оставив после себя мутный желтоватый отблеск, тогда как среди избышек уже опустилась тёмная синь.

– Завтра снегопаду быть, – негромко проговорила Немила; из её рта вылетело облачко пара.

В глубине души все бабы ждали наступления морозов, ведь в самую стужу даже отъявленные любители повоевать по домам разбегаются, а значит, можно было надеяться, что деревенские мужики наконец-то домой начнут торопиться. Согласно весточкам, те миновали западную границу царства и приближались к Лыбедь-граду, из того следует, что ждать их следует через пару недель, но если выпадет много снега, то это может задержать их ещё на несколько дней, а то и на целую неделю.

Но где же он, где же Иванушка?

Вдруг откуда-то из-под ног донёсся странный звук. Он был похож на одновременно и на икоту, и на отрывку, и Немила сначала ошалела, а потом кинулась на землю в поисках источника этого звука.

Прохладное, тонкокожее, с раздутыми боками и тоненькими хрупкими лапками-прутиками, оно само, безо всякой помощи, только успела Немила развязать тесёмочки, запрыгнуло в поясной мешочек и там затихло.

Немила поднялась на ноги и спешно, почти бегом, взлетела по лестнице в дом. Выхватив у Злобы свой свечной огарок, Немила пропустила мимо ушей сестрину шутку («Зад, поди, отморозила?») и поднялась на второй этаж.

Лягушка резво выпрыгнула из развязанного мешочка и снова от одного соприкосновения с полом превратилась в красивейшего царевича. Немила в этот раз сама бросилась в угол за табуреткой, но притащить её не успела.

– Да брось! Я прямо тут сяду, – Иван по-хозяйски уселся на постель, но внезапно лицо его перекошилось, он выдохнул сквозь зубы и ухватился за поясницу.

Немила жалобно вскрикнула, потом ойкнула и зажала себе рот. Царевич бросился оземь через мгновение после того, как в соседней комнате заскрипели половицы. После обращения он в виде лягушки забился в уголок за печкой, а Немила кинула сверху платок. Кто-то тихо прошагал по сеням.

Дверь открылась и из-за неё показалась Нелюбина голова, недовольная и часто моргающая.

– Ты чего кричишь, сестрица? – простонала та. – Да что же это такое? Неужели мне и сегодня поспать не удастся?

– Прости меня, Нелюбушка! – прохныкала Нелюба. – Представляешь, обожглась о расплавленный жир. Ай, как жжётся!

Она сидела на постели и прижимала к себе ту руку, которую якобы обожгла. Изобразить несчастное лицо Немиле ничего не стоило, так что Нелюба как будто бы и не усомнилась, что всё произошло именно так, как она рассказывала.

– Так сметаной помажь, – Нелюба покачала головой, после чего широко зевнула. – Ой, как же спать хочется! Пойти, что ли, к бабушке поспать? Так там совсем темно, и ежели скотина разбушует, будет слышнее... Нет, остаюсь у себя, ты только не шуми больше.

– Не буду шуметь, – покорно согласилась Немила.

– Вот и ладненько, – задумчиво кивнула Нелюба. – Ну, пошла я. А ты, это, чтоб ни шороху, а то взяла привычку шуметь по ночам, – она уже начала разворачиваться, но вдруг остановилась. – Вспомнила я. Вчера сквозь сон причудилось мне, что я слышала, как кто-то разговаривал, вроде бы низко, мужским голосом. Потом забылась я неровным сном, и приснилось мне как наяву, что бабушка вернулся. А как во сне дошло до того, что он подарки стал дарить, так петух раскричался. Тебе бабушка не снился случай?

Немила шмыгнула носом и пожала плечами, мол, ей ничего не снилось. К её облегчению, Нелюба слишком хотела спать, чтобы продолжать донимать разговорами, а потому погрозила напоследок пальцем, после чего болезненное лицо с глазами-щёлочками тут же скрылось из виду. Вскоре стихла и Нелюбина характерная крадущаяся поступь.

Не успела Немила встать с постели, а лягушонок уже самостоятельно выбрался из угла, допрыгал до Немилиной ноги, стукнулся об пол и превратился обратно.

Из соседней комнаты раздалось громкое «кхе-кхе», а царевич словно и не заметил этого. Он отодвинул Немилу, развалился на кровати и сладко потянулся.

– Как же давно не спал я на такой мягкой перине, – мечтательно прошептал Иван и перекатился на живот. – Можно мне полежать немного рядом с тобой? Просто так, молча, дабы не побеспокоить никого из домашних?

Немила пожала плечами и достала из загорелого целую свечу взамен догорающей. Иван сдвинулся поближе к краю, освободив место у стеночки. Туда она, подползая, и легла. Повисшая тишина была неловкой и что называется осезаемой, хотя, возможно, таковой она была только у Немилы в голове, поскольку царевич выглядел очень спокойным. Веки его были прикрыты, грудь мерно вздымалась, руки крест-накрест лежали на груди.

Иван дремал, но ей-то самой спать совсем не хотелось и не могло. Лежать на боку без возможности повернуться было очень неудобно. А потому ничего не оставалось Немиле, как подставить локоть под голову и сверлить взглядом лицо царевича, пока тот глаза не открыл.

– Тебе чего не спится? – пробурчал царевич с недовольным видом.

Немила чуть было не соврала, но передумала:

– Пока не хочется, солнце моё ясное, – призналась она, любуясь прядкой волос, которая виднелась из-под полусвалившейся с головы шапки. – Поделись со мной, где же ты был все эти месяцы? Как и чем жил, в каких местах бывал, где проводил свои ночи?

– Где бывал?.. – повторил Иван за Немилой и нахмурился. – Глупенькая, я же поминал уже, что искал ту самую, которая порчу с меня снимет.

Немила покраснела. Бабушка никогда не называл её глупой, и такое обращение от царевича кольнуло куда-то в область груди. Она немного отстранилась и уставилась на утопающий во мраке скошенный потолок.

– Летал я по разным сёлам и деревням, ночевал на чердаках и в заброшенных хижинах, в стволах деревьев и в пустых норах. Летом спал под открытым небом. Когда похолодало, потянуло меня на юг. Долетел я аж до Хоривского царства, побыл там немного и обратно повернул.

– В гостях хорошо, а дома лучше, – понимающе закивала головой Немила. – И как там, в Хориве? Батюшка говорит, что хоривцы все хитрые, не поймёшь, что у них на уме.

Иван же пожал плечами.

– Не знаю... Обычные там люди живут, как везде. Есть и простые, открытые, есть и такие, что себе на уме. Я там недолго пробыл, тоска по родине заела.

Немиле показалось, что её суженый вот-вот загрустит, поэтому она поспешно сменила тему:

– Ну, постранствовал, и хватит, верно? Теперь пора жениться, вернуться к царю-батюшке, к братьям горяющим, и к делам своим царственным. А расскажи лучше, что ты подделывал сегодня днём?

На какой-то миг лицо царевича потемнело, а уголки его губ растянулись в ехидную и немного пугающую усмешку.

– Ну как же... Охотился я. Мне же нужно чем-то питаться.

– Охотился? – переспросила Немила. – Ах! Так чего же ты молчал, я бы тебе пирожок принесла и молока налила!

– Спасибо, не хочется, – отмахнулся Иван и опять закрыл глаза. – Я потерял вкус к человеческой пище. Но не волнуйся, это временно. Спроси лучше о чём-нибудь другом, я же вижу, как много у тебя в голове крутится вопросов.

А Немила и мечтать не смела о том, что ей выпадет такая удача, потому начала с самого животрепещущего вопроса.

– Расскажи о лесе дремучем! Как далеко ты заходил в него? Являлись ли тебе лесные обитатели?

– Являлись, ага, – сонно проговорил Иван. – И лешего я встречал, и болотника...

Тут он попытался прилечь поудобнее и едва не упал. Немила вовремя успела ухватить его за рукав золотого кафтана. Царевич совсем не по-царски выругался, тут же извинился и пожаловался:

– Как же неудобно вдвоём на узкой лавке!

Немила тогда великодушно, но без особого энтузиазма предложила: что, если ей самой на полу лечь, дабы ему было удобнее, дабы он смог выспаться и поясницу отогреть? Однако, царевич взбунтовался.

– Негоже тебе спать на твёрдом и холодном полу! – заявил он и послал Немиле хитрый взгляд. – Погладь меня по волосам лучше, они гладкие и шелковистые, потому что я их раз в несколько дней дождевой водой и снегом мою, да маслом понемногу смазываю.

Немила обрадовалась и согласилась. Иван скинул с себя шапку, обнажив ухоженную гриву чёрных и жирных, как плодородная земля, прикрыл чёрные глазоньки, а она принялась наглаживать и перебирать лоснящиеся прядки.

– Тебе нравится, Иванушка? – робко спросила она через время.

– Дюже приятно, – выдохнул Иванушка. – У тебя ловкие пальчики.

Раньше она часто наглаживала волосы батюшке, только он обычно сидел на полу, а она – на табуретке, чтобы было удобнее. Батюшке тоже нравилось, когда она перебирала его золотые с проблеском серебра пряди. А вот ей самой жутко не нравилось, когда трогают её голову, ненавидела она и расчёсываться, и когда в детстве деревенские мальчишки дёрпали за косу. Готова она была прибить этих мальчишек, хоть батюшка и смеялся, говоря, что они так выражают своё расположение. Сейчас эти мальчишки уже выросли, начали засматриваться на девиц и приглядывать себе невест, но Немила с ними всеми держалась прохладно, никого не выделяя и не приближая к себе. Однако она и никого не отталкивала, потому как чужое внимание и лёгкое заигрывание могли её развлечь и порой приятно будоражили кровь.

Пока Иванушка не уснул, Немила решила снова попытать счастья разговорить своего возлюбленного. Она игриво дёрнула за одну из прядок и спросила, растягивая буквы его имени:

– Ива-анушка! Поведай мне про своё житьё-бытьё в Лыбедь-граде. Какой он, град белокаменный? А дворец? Правда ли, что тот отливают серебром и золотом? А сколько в нём комнат? Говорят, не счесть? Я слышала, во дворце прислуживает столько народу, больше, чем в нашей деревне?

– Ты что же, никогда не была в стольном граде? – со смешком спросил Иванушка и снова направил её руку к своим волосам. – Ещё погладь!

Немилу смутил смешок Ивана, она непроизвольно искривила губы в форме перевёрнутого вниз рогами месяца и промямлила:

– Батюшка пообещал, что летом...

Иван, видать, почувствовал переменявшийся настрой Немилы. Он схватился за руку Немилы и переплёл её пальцы со своими.

– Хорошо, я расскажу тебе про град и про дворец, – ласковым голосом прошептал он. – Закрой глаза и слушай.

Сердце её заколотилось часто-часто, она вся разомлела от нежности и от внезапно нахлынувшего жара.

Ох, сейчас бы лучше целовать эти маленькие губы, похожие на сочную ягоду, губы, которые царевич словно нарочно немного оттопырил, чтобы подразнить, но нельзя. Нельзя!

Как там было? Три ночи под одной крышей провести, а на третью поцелуем скрепить будущий союз, и только тогда проклятие будет снято.

Немила выдохнула.

Получилось как-то чересчур судорожно и нервно. Царевич отпустил её руку, откинулся, поднял с пола свечу и задул огонь.

– Так-то лучше, а то меня твои прелестные глаза уж очень отвлекали, – раздался из темноты повеселевший голос. Иван принялся ворочаться на месте.

– М-да-а, это, конечно, не моя опочивальня. Вот у меня там знаешь какого размера постель была? Как три... нет, четыре твоих в ширину, и ещё в два раза выше, и мягкая!

Немила заинтересованно вскинулась.

– Что, такая большая и мягкая?

– А то! И опочивальня у меня знаешь какая! Твоя комнатёнка в сравнении – что каморка! В моей опочивальне целый отряд может разместиться! Из окон я могу обозреть и град свой, и реку широченную, и лес... – он мечтательно умолк. – А из другого окна море видать, представляешь! Белокаменные стены дворца отражают дневной свет и в солнечную погоду кажутся золотыми, а в пасмурную – хрустальными. Купола у дворца сделаны из чистого серебра, и каждый месяц дюжина рабочих полирует их до блеска.

Немила закрыла глаза и представила себе дворец. Описания царевича и батюшки в её голове соединились, и внутреннему взору предстала полная картина: венчающий оба холма дворец был подобен полупрозрачному облаку, сквозь которое беспрепятственно могли проходить солнечные лучи. Желаннейшее место в мире!

– А что же люди? Какие люди живут в прекрасном Лыбедь-граде? – нетерпеливо спросила Немила. Ей казалось, что ещё чуть-чуть, и она как наяву увидит свою будущую опочивальню, из окна которой будет обозревать раскинувшийся у подножия холмов град. Она, простая крестьянская дочь! Станет женой этому молодому царевичу, чьё дыхание она слышит в темноте! И наденет такой же, как у него, богато изукрашенный кафтан, а гулять будет по прекрасному саду, в котором когда-то давным-давно гуляла сама царица Лыбедь!

У неё будут настоящие слуги, которые будут величать её царевной Немилой! (В царицы она разумно не метила, понимая, что до младшего сына очередь на правление может и не дойти).

Иван сонно переспросил:

– Люди? А что люди? Люди как люди, ничего особенного. Дети заняты своими детскими делами, взрослые работают в поте лица на процветание царства, а молодые девицы ищут женихов... Всё как везде, только мастерских и лавок больше, да дыма валит иногда из них столько, что дышать трудно...

Немила тихонько лежала с закрытыми глазами. Спиной она упиралась в бревенчатую стену, коленками касалась шёлковых шаровар. Она была уверена, что за словами царевича последует продолжение, но, когда из темноты раздалось мерное сопение, она с некоторым разочарованием поняла, что её возлюбленный уснул.

В темноте Немила нащупала чужую руку и переплела пальцы царевича со своими. На душе её было легко и радостно от мыслей о том, что Иван стал ей теперь чуточку ближе, хоть и уснул в неподходящий момент. Долго она лежала без единого движения и предавалась мечтам, а уснуть смогла лишь глубокой-преглубокой ночью, когда до пробуждения оставалось не так уж много, а, впрочем, какая разница, ведь ей и так никогда не удавалось поспать вволю.

Вскоре после того как она заснула крепким сном, за окном раздался одинокий и тревожный петушинный крик. Немила с облегчением вздохнула, когда в постели стало гораздо просторнее, раскинула по сторонам руки-ноги, но не проснулась. До рассвета было ещё далеко.

## Глава 4

Следующий день в основном стал таким же, как предыдущий, не считая того будоражащего возбуждения, которым наполнялось тело Немилы каждый раз, когда она представляла, как сегодня – уже сегодня! – её губы коснутся тех, особенных, на вид таких мягких и одновременно жёстких, сияющих розовым золотом. Даже спать особо не хотелось, и работа в руках спорилась, выполнялась быстро, чисто, словно и без немилиного участия, поскольку мысли её были очень далеко.

Едва дождавшись окончания ужина, Немила снова, как вчера, выскочила на улицу, едва успев натянуть на себя полушубок. На всякий случай она попеременно поглядывала то на небо, то под ноги. Утром возлюбленный вновь улетел от неё в облике летучей мыши, кто знает, чего ждать теперь?

Солнце ещё не успело коснуться верхушек деревьев, когда у её ног раздалось шипение. В этот раз она почти не удивилась, увидев жмущуюся к ногам малюсенькую чёрную с белыми пятнами змейку. У животного на конце хвоста сверкнуло что-то круглое, похожее на колечко. Немило сердечко ёкнуло, но она удержала себя в руках. Села на корточки, развязала мешочек, расширила отверстие, чтобы змейке было проще забраться внутрь, как ни в чём не бывало поднялась на ноги и спокойно зашагала прочь, в ворота скотного двора, оттуда в сени, поднялась по лестнице и юркнула себе в комнату.

Едва она успела развязать мешочек, как змейка, оттолкнувшись хвостом, подпрыгнула в воздух, чтобы приземлиться на деревянный пол.

В этот момент Немила мысленно возблагодарила своего предка, который построил просторные хоромы, чтоб у каждого в семье был не просто свой уголок, а целых четыре стены. Осторожность никто не отменял, но вот уже две ночи в Немилиной комнате ночевал посторонний, а сёстры ничего и не подозревали. Разве не чудесно?

От одного касания с полом на месте змейки выросла знакомая статная фигура. Чёрные глаза сегодня горели особым лихорадочным блеском – в них Немила видела собственные чувства, которые в силу небольшого возраста и жизненного опыта не могла описать словами.

Одну руку царевич держал за спиной, что выглядело весьма и весьма загадочно, а присмотревшись, Немила заметила, что по сапогу царевича протянулась царапина, шаровары заметно помялись, а кафтан на плече был немного разодран.

В ответ на её взгляд царевич дёрнул головой, мол, не спрашивай, и извлёк из-за спины руку. Ладонь разжалась, одновременно с этим Немила подалась вперёд и совершенно по-детски приоткрыла рот от восхищения.

На ладони у Ивана-царевича лежало нечто такое, подобного чему она никогда в жизни не видела.

Перстенёк! Жёлтенький, гладенький, чудо какой ровненький!

– Неужели это настоящее золото?! – вырвалось у Немилы, пока Иван пристраивал колечко ей на указательный пальчик. Оно пришлось практически впору – немного большеватое, но это было неважно.

– Настоящее, из царских закровов, – с гордостью подтвердил царевич.

– Но... откуда оно у тебя? – спросила Немила, разглядывая неожиданный подарок.

– Так я перед тем, как пойти искать суженую, нарочно взял его с собой, – оттараторил царевич, задорно кивая головой и улыбаясь. – Как тебе? Нравится?

– Очень. В жизни не видела ничего подобного, – призналась она. Золото – царский металл, простому люду оно недоступно, в Лыбедском царстве оно даже не водится, в отличие от серебра.

– Это колечко достойно украшать твою ручку, Немила, – вкрадчивым голосом сказал царевич, как-то по-особому протянув губами её имя. Получилось нечто вроде «Не-мила-а».

Она рассеянно улыбнулась. Оттопырив пальчики, она алчно разглядывала колечко, а потом, очнувшись, кинулась к Иванушке на шею.

– Спасибо, милый мой!

– Только не потеряй его, – предупредил Иван и подмигнул.

– Никогда в жизни не потеряю!

Немила прижала к себе обе руки, склонила голову, и тут вдруг вспомнила кое-что.

– Ой! Да что же это я совсем! У тебя одежда совсем испортилась! Ты не ранен, Иванушка?

Иванушка отмахнулся:

– Не думай об этом, – и приобнял её за талию. Немила обмякла от радости, но мысль о разодранном кафтане, помятых шароварах и исцарапанных спапогах не собиралась исчезать из её головы так скоро.

– Ты... подрался? – поинтересовалась она, проигнорировав брошенный в свою сторону предостерегающий взгляд. На какую-то долю секунды на лице Ивана мелькнуло мучительное выражение, которое сменилось облегчением.

– Ты чего? – потрунил он. – Просто я очень хорошо спрятал кольцо, в одно надёжное и труднодоступное местечко. Из-за этого пришлось изрядно потрудиться, доставая его. Вот наряд мой и помялся.

Немилины губы сложились в форме буквы «о», она прижала к себе ладонь с колечком.

– Теперь оно мне ещё дороже! – дрожащим от волнения голосом ответила она. – У меня тут где-то лежали нитки, снимай кафтан, я его заштопаю.

Нитки нашлись довольно быстро. Грубые и волокнистые, по качеству они и рядом не стояли с теми, которые были использованы на пошив царского наряда, но кто сказал, что они не годятся заделать дыру в ткани за неимением лучшего?

Однако Немила радовалась своей находке недолго, ведь подушечку с иголками оказалось найти гораздо сложнее. Весь сундук пришлось перерыть сверху донизу, но тщетно. Не было подушечки ни в мешочке с бусинами, ни среди требующей переделки одежды, к которой давным-давно никто не притрагивался, и оттого она приобрела затхлый запах. Вот что значит не прикасаться к шитью неделями, а то и месяцами!

Пока Немила, беззвучно ругаясь, переворачивала сундук, царевич сидел на лавке. Он застыл в одной позе, немного сгорбивши спину, и исподлобья стрелял глазами по сторонам со скучающим видом.

Он уже успел расстегнуть застёжки на кафтане, а поддетая под низ рубаха была под стать остальным предметам одежды: тоненькая, пошита из белоснежной гладкой ткани, она после всех скитаний выглядела на удивление новой.

– Где же вы, иголки? Не найти никак, – от злости на саму себя, что не может сделать для Ивана даже такую малость, она готова была расплакаться. Как будто и этого было мало, из-за двери слышались лёгкие шаги.

Царевич в облике лягушки затаился под лавкой. Немила ловко сорвала с себя колечко, швырнула его в чемоданчик и повернулась к двери ровно тогда, когда Нелюбино лицо с впалыми скулами появилось в дверном проёме.

– Нелюбушка! – бросилась она к сестре, пряча руку с кольцом за спиной. – Как я рада, что ты зашла! Не одолжишь иголочку?

– Что же такого ты в поздний час шить собралась? – поинтересовалась Нелюба. Её маленькие глазки по привычке обшаривали комнату, пока не остановились на свече. – Так-так-так, это не похоже на тот огарок, что тебе выдала Злоба. Не бойся, я ничего ей не расскажу.

– Ты на что намекаешь? – вскинулась Немила и обиженно надула губы. Если уж Нелюба сказала, что ничего не расскажет, то как пить дать, завтра же с самого утра побежит разбал-

тывать! Но пока сестрица не ушла, позарез надо было выпросить иголочку, а то нежеже суженого завтрашним утром в неподобающем виде сёстрам представлять. Надо же, чтобы они *хорошенько обзавидовались*.

– Я хочу тебе признаться... – Немила припомнила увиденный на дне сундука кусок холщовой ткани. – Мне захотелось сшить себе новый передник для дел хозяйственных, а днём времени не было. Вот и взяла я одну свечу, чтобы при её свете хотя бы наметить будущую работу, да совсем из головы вылетело, что игл-то у меня нет.

Нелюба задумалась.

– Я как раз нашла у Злобы несколько штук. Хорошо, выделю тебе одну. Но учти, вернёшь в целостности и сохранности, каждая из них на вес золота.

Передник Немила, конечно, шить не планировала. А что Нелюба обнаружила подворывания свечек – так не беда! Завтра откроется вся – вообще вся – правда, весь свет узнает, что Немила и царевич помолвлены, и тогда дела никому не будет до каких-то несчастных свечек!

Пока Нелюба ходила в свою комнату, Немила наклонилась под лавку и погрозила пальцем лягушонку: «Сиди там, не высовывайся!»

Вот у Немилы в руках оказалась долгожданная иголочка. Лягушонок не издал ни звука, пока за Нелюбой не закрылась дверь, а когда вылез, то тихо квакнул – то ли хотел что-то сказать, то ли лягушачья природа того требовала – после чего подпрыгнул на месте, и не успели лягушачьи лапки приземлиться после прыжка на пол, как комната снова наполнилась золотым сиянием.

– Снимай кафтан, – повторила Немила весело.

Вместе с кафтаном Иванушка скинул сапоги, задвинул их под лавку, и босиком стал прохаживаться по комнате, пока Немила мучилась с починкой кафтана.

В одной рубахе царевич стал даже более хорош собой. Под облегающей тканью виднелись очертания груди и мускулов рук, а от того, как белая рубаха оттеняла желтоватую кожу, тонкие черты лица ещё больше заострились, сделались изящнее. Волосы из тёпло-каштановых стали почти чёрными.

Итог немилиного труда говорил сами за себя: горизонтальные стежки пересекали весь рукав, как перекладыны очень кривой лестницы, однако Иван, казалось, и не заметил ничего подобного. Он наклонился к немилиному уху и повеселевшим голосом шепнул:

– Я так рад, что ты закончила. А ну-ка, полезай в постельку, будем целоваться.

Немила страшно оробела от прямоты царевича. Щёки её мгновенно вспыхнули, но невзирая на робость она повернулась к царевичу и вытянула губы дудочкой. И зажмурилась.

Но вместо того, чтобы её поцеловать, царевич заразительно хохотнул и упал на лавку.

– погоди! Ложись рядом.

Немила поначалу восприняла предложение Ивана с опаской, но его глаза так заразительно искрились – озорством, предвкушением, чем-то ещё, чему она не могла дать названия, – что она не выдержала и тоже расплылась в улыбке.

В этот раз им на лавке не было тесно. Немила и Иван прижимались друг к другу, как будто знали друг друга сто лет, перебирали друг другу волосы, похихикивали и касались коленками. Ей казалось, что вот он – лучший момент её жизни, благо, Иван больше не старался поторапливать её и не делал неуместных высказываний. Пожалуй, когда он молчал, то нравился ей даже больше, чем, когда говорил.

Наконец, она почувствовала, что готова к поцелую, более того – не в силах ждать, когда же он произойдёт. Тогда она облизнула губы и шепнула:

– Спасибо за подарок. Я буду носить это колечко не снимая.

– Пожалуйста, – ответил царевич и дрожащим голосом добавил: – Я больше не в силах сопротивляться твоим чарам, Немила.

Она чуть наклонила голову, и уже через мгновение их губы слились. Для неё это был первый поцелуй, но, как оказалось, ничего сложного в самом процессе не было – знай раскрывай себе рот как рыба, высовывай язык. Приятным было, в общем-то, не само это действие, а то ощущение, что приливами возникало внизу и волной распространялось вверх до самой груди, новое, незнакомое доселе. Это ощущение ввело Немилу в небольшое замешательство.

– Эй, – с растерянной улыбкой она принялась полушутя отталкивать Ивана, когда он придвинулся ещё ближе.

– Тебе не нравится? Или ты боишься меня? – спросил царевич и снова приложился к её губам поцелуем.

– Боюсь, – пискнула она.

– Разве я не обещал, что женюсь на тебе?

– Обещал, – сглотнув, ответила Немила. – Но у нас ещё будет время...

– Ты мне веришь? – перебил её царевич.

– Верю, – проронила Немила, не в силах отвести взгляд от непроглядной черноты глаз, в которой не было видно ни зрачков, ни вкраплений постороннего цвета.

Но как объяснить, что, делая нечто впервые, особенно если «нечто» действительно важное, ты всё равно будешь бояться, ведь это примерно как в первый раз в жизни заплывать на глубину или катиться на спор в санках с самой вершины горки, а не какая-то ерунда.

Но то, что произошло дальше, совсем уж, если говорить по-честному, не было похоже ни на плавание, ни на катание с горки.

Свеча ещё горела, когда Иван приспустил шаровары и потянул Немилу за руку, молчаливо требуя потрогать его между ног. Оно было твёрдым, влажным, не то чтобы противным, но скорее необычным, и в то же время до странного приятным, как если набрать в прибрежных водах какого-нибудь мелкого тёплого прудика полные ладони головастиков – вроде и противно, но выпустить из рук жалко.

В общей деревенской бане девочек и мальчиков с самого детства приучали к виду голого тела, но видеть одно, а трогать – совсем другое, к тому же она имела возможность лицезреть только повисших головой вниз червячков, а о том, что те могут вырастать в могучих змеев, знала только понаслышке.

Понаслышке она знала и о том, что полагается змея задабривать и ублажать. Как именно – не знала, но Иван и тут просветил, сначала помогая и направляя Немилину руку своей, потом – по-хозяйски приподняв юбку и показав, как именно ключик подходит к замочку, и две половины становятся целым. Особой разницы с тем, как это происходит у домашней скотины, Немила не заметила, единственное отличие – ей не хотелось ни кудахтать, ни взвизгивать, ни мычать, а хотелось спокойно тихонечко лежать не шевелясь, ожидая, когда же это кончится и настанет утро, чтобы потащить царевича знакомить со своими сёстрами и хвастать своим женихом перед бывшими соперницами.

Но вот дело закончено, внизу мокро и склизко, Иван, нет, Иванушка, навалился всем телом сверху, спрятал голову между маленькими девичьими грудками, потёрся о них, как кот, на лице расплылось мечтательное выражение. Немилино сердце преисполнилось радости: это она, она исполнила мечту своего царевича! Она сняла порчу!

– Иванушка... – позвала она шёпотом.

– М-м?

– Теперь ты свободен от Яги? Мне не терпится показать тебя сестрицам! Вот они будут удивлены!

Иванушка снова промычал. Его царевичевы щёки розовели, влажный рот был приоткрыт, веки полуопущены. Немила безоговорочно верила Ивану, просто ей думалось, что снятие проклятия должно сопровождаться ярким светом, искрами, возможно, музыкой, ощущением праздника. Ничего из этого не было, поэтому она испытала лёгкое разочарование.

– Может, проверим, снялась ли порча? – с энтузиазмом спросила она. – Ну-ка, оборотись кем-нибудь!

Но царевич оказался на удивление несговорчив.

– Отстань, Немила, – пробурчал он и скатился на край лавки. – Поверь, надо мной больше не тяготеет сила Яги, я точно знаю. Спи, завтра поговорим.

Грубость Ивана уязвила её. Немила отвернулась к стене, надула губы, пустила одинокую слезинку, но уже совсем скоро, услышав сопение, начала себя успокаивать. У царевича был тяжёлый день. Сначала ему пришлось неизвестно как далеко забраться, чтобы достать из тайничка колечко, потом он наверняка сильно нервничал, боясь, что Немиле не понравится подарок и она не проявит благосклонности. Ведь это от неё и только от неё зависело будущее царевича. А остаток сил царевич потратил на знамо что. На то самое, что их союз окончательно скрепило.

Вот поэтому он и не смог бороться со сном. Устал, бедненький. После всех своих размышлений Немила не могла больше обижаться на Ивана, напротив, она прониклась к нему ещё большей нежностью. Обернувшись, Немила приобняла крепко спящего царевича и прошептала:

– Люблю тебя, мой суженый-ряженный, судьбой предназначенный.

Незадолго до рассвета где-то в задней части дома полузадушенно вскрикнул петух, но Немила уже видела десятый сон, а потому невдомёк ей было, что ночной гость, быстренько собрав по светличке и надев на себя все свои немногочисленные пожитки, преспокойненько прошёл через всю избу, заглянул к животине на скотный двор, после чего незаметно покинул деревню.

## Глава 5

Немила открыла глаза ровно за мгновение до того, как в её светлицу ворвались сёстры, ещё более шумные, чем всегда.

– Вставай! Немила, проснись! Петушка утащили ночью! Ой, ты уже не спишь?

Она резко села, не понимая, о каком ещё петушке речь и почему его исчезновение должно её волновать. Что действительно волновало её воображение, так это пустая постель, согретая лишь теплом её собственного тела, и обнаруженное почти сразу исчезновение колечка с указательного пальца.

Не желая признавать очевидное, она вскочила на ноги, заглянула под лавку – пусто, посмотрела по углам, выскочила за дверь, выглянула во все окна второго этажа, полностью игнорируя сестёр, а затем вернулась, сложила руки на груди и требовательно топнула ногой.

– Где царевич Иван? Признавайтесь, вы же видели его? Куда он отлучился? И где моё колечко?

Немая сцена продлилась недолго. Скорбные лица сестёр вытянулись от недоумения, а через пару мгновений они уже громко и заливисто хохотали, одновременно вытирая кулаками слёзы.

– Ох, и Немила, ох, и шутница! – истерично хихикала Злоба. – Спасибо, настроение подняла! Это ж надо такие яркие сны видеть, чтоб путать их с взаправдашней жизнью! Завидую!

– А я не завидую, – протестующе качала головой Нелюба, сморкаясь в белый платочек. – Ты посмотри, какое разочарование на личике бледном, ажно вся краска схлынула с него.

– Он был, клянусь вам! Был! Царевич Иван, взаправдашний! Он надел мне на палец колечко золотое и пообещал сделать своей женой!

Она помахала в воздухе пальцем, тем самым, на котором ночью блистало самоварное золото, и снова грянул смех, да такой, что в голове у Немилы зазвенело. Она стояла совершенно растерянная. Нет, ну ей не могло ни привидеться наяву, ни присниться во сне такое. Очевидные признаки во всём теле и яркие воспоминания говорили о том, что вчера всё было взаправду, да и вообще, она никакая не блаженная, и она точно знала, что сны – они не такие, они совсем другие.

Немила рассеянно смотрела то на голый указательный палец, то на лавку, то на сундук, не зная, то ли начать сомневаться в самой себе, то ли... пока Нелюба не вернула её к реальности:

– Ладно, Немилка, не расстраивайся. Наверное, Морок с тобой пошутил. Оставишь ему сегодня ночью дары, и он от тебя отвяжется. Кстати, как там твоё шитьё? Наметала передник? Иголочку не испортила?

Точно, иголочка!

Она бросилась к сундуку. Одна-единственная игла лежала сверху на куче разного хлама ровно в том положении, в котором Немила вчера её и оставила. Она поспешно схватила иглу и тут же, ойкнув, выронила. На пальце выступила капелька крови.

Но боль физическая – ничто по сравнению с той душевной болью, что она испытывала, пока пыталась мысленно разложить по полочкам последние события. Колечко было, а сейчас его нет. Жениха тоже нет, а сёстры наперебой сокрушаются о том, что из курятника пропал ровно один петух.

Неужели не хватило силы любви, чтоб от Яги отвязаться? Но почему? Она же так сильно полюбила Иванушку, как никого и никогда в жизни не любила! А вдруг – нет, даже думать об этом Немиле было тошно – вдруг это он её недостаточно любил?

\* \* \*

В тот же день ближе к вечеру из самого Лыбедь-града пришло известие о том, что пропавшего царевича видели в царском дворце. Оно разнеслось по окрестным деревням с сумасшедшей скоростью. Немила весь день бродила по окрестностям, поэтому узнала об этом одной из самых последних.

Она вернулась домой только к ужину и собиралась проскользнуть мимо домашних, но поскольку сени сделаны так, что малейший шум из них доносится до людей, сидящих в горнице, то пройти мимо сестёр незамеченной у неё не вышло.

Сестрицы в два голоса начали звать её, но Немила твёрдо решила пропустить ужин и укрыться в своей светлице, не потому, что она была не голодна, но оттого, что не могла в своём теперешнем состоянии вынести ни одной живой души. Особенно сестриц.

«Спать всё равно не усну, – подумала Немила, пока сёстры в два голоса отчаянно звали её. – «Покушаю позже, когда все разойдутся».

Но тут из громких криков Злобы её слух выхватил кое-что важное, из-за чего она резвой орлицей слетела вниз и ворвалась в горницу.

– Что? Что ты сказала?

– Немила! – укоризненно повторила Злоба. – Там про твоего дорогого царевича новые вести завезли.

– Говори, сестра. Что там с царевичем, какие вести? – спросила Немила, протестуя выставив руку, когда та пододвинула в её сторону кувшин с молоком.

– Видели его вчера днём во дворце, – вкрадчиво ответила Нелюба и постучала по столу длинными пальцами. – Некрасивая история то была. Говорят, побывал он в нескольких помещениях втихомолку, словно не член семьи и хозяин, а какой-то вор! Обчистил казну царскую и смылся. Царь наш батюшка в ярости, что царевича не остановили, что смог сынок родной скрыться прямо из-под носа у дружинников. Дружинников своих царь постановил наказать, а за любые вести о царевиче Иване назначил награду, и немаленькую!

Пока Злоба и Нелюба обсуждали, что же именно мог украсть царевич и зачем ему это было нужно, Немила сидела за столом и вполуха слушала этот разговор, который казался ей напрочь лишённым смысла. В голове царил бардак страшный. Почему Иванушка наврал о том, где взял кольцо? Положим, стыдно ему было за ограбление собственного дома, в этом нет загадки. Но зачем он вместе с кольцом вынес другие драгоценности, которые сейчас Злоба с Нелюбой перечисляли с таким удовольствием, будто ждали, те на них теперь с неба свалятся?

Чего там, среди украденного, по их словам, только не было: и кучка перстней, и цепи, и браслеты, и корона. И Немила понимающе кивала сёстрам, когда те вскрикивали и заламывали руки: «Пошто?! Пошто царевичу все эти ценности? Какая нелёгкая довела его до жизни такой?»

Ей виделось так: царевич наведалься в Лыбедь-град, чтобы взять для обручения кольцо, а остальные предметы прихватил ей же на подарки, которые, возможно, собирался преподнести днём, когда убедится, что порча снята.

Так была ли она снята? Если да, то можно рассчитывать на возвращение Иванушки с подарками. (Хотя, право, зачем такая спешка? Она бы потерпела до свадьбы). Если же порча не снята, то... неужто царевич разобиделся на неё, на Немилу, настолько, что даже забрал кольцо?

Но ей не давало во всей этой истории покоя ещё кое-что. В ночь их встречи суженый упомянул, что может-де лишь «скитаться у границ леса дремучего». А сам, выходит, долетел аж до Лыбедь-града! Немила, в свою очередь, хорошо помнила, как батюшка утверждал, что «хоть из Лыбедь-града дремучий лес виден, но до него вёрст десять, не меньше».

В конечном итоге разозлилась Немила, но не на царевича, а на себя, за то, что не смогла освободить от порчи, за то, что позволила царевичу уйти – ах, как сильно он на неё, наверно, был расстроен, когда понял, что сила её любви оказалась недостаточной! Но где же он может быть в этот час? В лесу зализывает душевные раны, или улетел в края далёкие?

И пока разговор сестриц плавно перетёк на обсуждение царской награды, Немила предавалась куда более печальным думам, о том, что же её теперь делать и как дальше жить в неизвестности.

– Смотри-ка, со стола всё сметала, даже на завтра ничего не осталось!

Удивлённый возглас Злобы насильно вырвал Немилу из дум. Она застыла с ложкой во рту и воззрилась на стоявший перед ней чугунок таким взглядом, будто видела его впервые. Чугунок был почти пуст.

Это что же, она в одиночку столько съела? И даже не заметила этого? Почему тогда ощущение сосущей пустоты в животе никуда не исчезло?

– Я рада, что царевич дал о себе знать, что он оказался хотя бы живой, – заметила Нелюба, не обратив ровным счётом никакого внимания на Злобин возглас. – Но как вы думаете, куда бы он мог теперь отправиться, со всеми этими богатствами. Они ведь тяжёлые, и не спрячешь никак. Вдруг его ограбят?

– Вот батюшка скоро приедет, тогда и узнаем получше, какие у них в большом мире дела творятся, – зевнув в полный рот, ответила Злоба. —Шила в мешке не утаишь. А теперь давайте-ка спать.

На том разговор был окончен.

А Немила промолчала, ни словечка больше об Иване не вымолвила.

Промолчала она и назавтра, и через неделю, когда награда за любые вести о младшем царском сыне возросла в несколько раз.

На то у неё была причина, которая с каждым днём становилась всё более и более *веской*.

\* \* \*

Предраассветная серость уже начала медленно расцветиваться яркими красками: голубые, зелёные, красные избы, белые резные наличники, похожие на снежинки, белый снег под ногами, который ещё не успел загрязниться, и над всем этим грязно-голубое утреннее небо.

Она немного постояла, вдыхая морозный воздух и любясь прекрасным видом, после шмыгнула на задний двор, а оттуда, миновав соседский дом, свернула к следующей по счёту избёнке. Она незаметно миновала сарай, из которого доносились бодрые ритмичные звуки – то тугие струйки молока касались дна подоюника, а затем обогнула избу по периметру, тихонько приоткрыла дверь и немного постояла на пороге, всматриваясь в полумрак единственного помещения, разделённого большой давно не беленой печью на две примерно равные части.

В одной половине избы на полатах, уютясь друг к другу, спали дети.

В другой половине было место для готовки и приёма пищи, с рядами полок, забитыми посудой, большим столом, который едва помещался между печью и стеной, и парой лавок, на одной из которых, той, что поближе к печи, явно кто-то спал.

Немила сразу поняла, что это была старая Мокша. Она пошла напрямик к старухе и потормошила её.

– Бабуля Мокша, – позвала она шёпотом и пригляделась к спящей.

Моложавая, не сгорбленная работой, с кожей, почти не знающей знойного летнего солнца, та выглядела совсем нестарой, а лет на пять или даже все десять моложе своих пятидесяти, и лишь грязновато-серые седины выдавали истинный возраст, тогда как зубы, зрение и слух у Мокши были в полном порядке.

Мокша открыла глаза, пощурилась, села в постели и попросила подать свечу.

– А-а, это ты, Немилушка. Из-за холода мне сегодня отвратительно спалось, пришлось несколько раз вставать, чтобы печь подкормить. Будь добра, глянь, остались ли дрова, а то старая уже, не помню ничего.

Немила метнулась к печи, нашла пару поленьев, подкинула их в затухающее пламя и пошерудила кочергой.

Пока она разбиралась с огнём, Мокша сдвинула одеяло в сторону, уселась на лавке, привычной рукою переплела свою длинную косу и спрятала её под платок. Немила нерешительно подошла ко столу и заняла место по другую сторону обеденного стола.

Мокша не спрашивала у непрошенной гостьи, с какой целью та пожаловала и не спешила проявлять гостеприимство, а молча ждала, пока Немила выложит цель своего раннего визита.

Чтобы явиться в такую рань в чужой дом, да ещё и тайком, причина должна быть существенная. Немила сама была не рада, что притащилась в эту тесную избу, к этой старухе, которая была ей не шибко приятна, но у неё не было выбора, поскольку никто больше в целом свете был не в силах ей помочь.

Вляпалась она в такое безвыходное положение, что хоть топись, хоть в лес на съедение волкам иди, а пожаловаться, поплакаться в рубаху и покаяться совсем некому. К сёстрам она бы ни в жисть не пошла, подруг у Немилы отродясь не было, а единственная, кто мог бы её понять – дорогая и любимая матушка – давненько ушла по тропе туда, откуда нет возврата.

Так почему же Мокша? Да потому что Немила верила слухам. В её голове не укладывалось, что внешне здоровая, цветущая женщина не могла за двадцать лет подарить своему мужу ни одного ребёночка.

И трудно было найти в деревне человека, который бы с Немилой не согласился, а оттого к Мокше относились с лёгкой опаской. (И как они жалели покойного её мужа! Говорили: бедненький влюблённый дурачинушка, надо было давно вернуть жёнушку в отчий дом, а себе нормальную найти! «Одурманила, навела порчу!» – добавляли они, но поскольку за последние тридцать лет никакого худа в деревне не произошло, то и Мокшу не трогали, ограничиваясь языкочесанием).

Единственные, кто всю избегал Мокшу – это бабы в ожидании чуда. Можно сказать, на деревне уже стало традицией, что возле дома Мокши они переходят на другую сторону дороги, приговаривают слова защиты, иногда плюют через плечо, да на том их боязнь и заканчивается.

Немила подалась вперёд и стыдливо зашептала:

– Бабуля Мокша, помоги, у меня беда страшная, – а про себя подумала: «Не могу! Не могу вслух признаться в том, что сделала! Стыдно мне, стыдно!»

Но как же отбросить жалкие остатки стыда и сказать эти три слова, которые складываются в одну унижительную фразу? «Я себя опозорила».

– Я себя опозорила, – зажмурившись, повторила Немила. Тотчас же на душе у неё стало немного легче, как будто какая-то доля ответственности, давившая на сердце тугими змеиными кольцами, разделилась надвое, и вторая половина переползла к старухе.

– Думаешь, ты первая, кто пришёл ко мне? – без тени улыбки спросила Мокша. – Нет, не первая. Много их было до тебя, и девиц, и замужних, и вдовиц, и все они просили об одном. Ублажи старую, встань и повернись ко мне боком. И рубаху подыми. Не бойся, никто тебя не увидит.

Она сделала всё, как было приказано. Поднялась на ноги, сбросила с себя мешавшую верхнюю одежду, выпустила из юбки рубаху и обнажила живот.

Мокша в ответ покачала головой, но, когда она заговорила, в её голосе не послышалось ни укора, ни презрения.

– Срок-то уж, поди, немаленький.

Немила пожалала плечами – второй месяц пошёл, как Иванушка её бросил, и этот месяц показался ей невероятно долгим. Наверное, старая Мокша права, срок уже немаленький, раз уж живот стало так сложно прятать ото всех, особенно от сестёр. Да и чувствовала она себя теперь чаще неважно, поэтому старалась реже выходить из комнаты и подолгу лежала в постели, тупо глядя в потолок.

– Это хорошо, что ребёночек уже подросший. Она будет довольна.

– Кто «она»? – переспросила Немила.

– А тебе не всё равно? Избавишься от своей проблемы и будешь жить как раньше.

У Немилы возникли подозрения, но она тут же отогнала их от себя. Она была еще молода и за проступки свои отвечать не умела, поэтому достаточно было договориться с совестью о том, что главное в сложившемся положении – это думать о себе и своих интересах. А о том, что будет с ребёнком, она бы предпочла не знать. Лучше бы он просто исчез, будто и не было никогда. Да в её представлении ребёнка не существовало. Существовала некая обуза, кусок её собственной плоти, который бы вынуть и выкинуть, чтобы не мешался.

– Вижу по лицу, что тебя муки совести не мучают. Это хорошо, значит, не передумаешь и не попытаешься убежать. Учти, если, встретив её, решишь пойти на попятную, то она разозлится. И тогда пощады не жди, бегаешь-то она быстрее, чем мы с тобой.

Мокша прикрыла глаза. В комнате стало теплее. Немила нервничала. Её беспокоило, что день уже вовсю вступал в свои права и дети на полотах вот-вот могли проснуться. Она то и дело косилась в сторону печи.

– Я бы проводила тебя, – тусклым безжизненным голосом поведала Мокша, – дабы уберечь от возможной беды, да только слишком стара стала, ноги уже не ходят, а ежели упаду на скользкой утоптанной дороге, то боюсь, уже мне не подняться.

Немила с сомнением посмотрела на замершую в одной позе Мокшу. Она была уверена, что не далее как на прошлой неделе видела в окно старуху, бодро шагающую откуда-то со стороны полей. Непонятно, что та могла там делать, но Немиле почему-то в голову пришла шальная мысль, что та тоже любит улизнуть из дома, чтобы к ней не приставали домашние со своими делами и заботами, и сопровождать Немилу она отказывается не потому, что не может, а скорее из своего нежелания куда-то выходить в ночную стужу. Но Немила не была в обиде, она могла сама сходить куда надо, ей бы только вызнать, куда идти и кого именно искать, а там уж она сама разберётся.

Мокша зевнула, потянулась, расправила плечи, и внезапно для самой себя Немила отметила, что у той идеально прямая, почти царственная осанка, хотя это было не очень удивительно для белоручки и лентяйки. Чем меньше полевой работы, тем прямее спина, а эта спина явно давно не знавала вообще никакого физического труда.

У Немилы осанка была похуже, но при взгляде на статный фас Мокши её плечи сами собой развернулись, лопатки сблизилась. «Ну уж нет, я не позволю своей красоте в какой-то забытой богами деревне пропадать! Заставлю батюшку во что бы то ни стало вывезти меня в Лыбедь-град, Нелюба мне нарядов нашьёт, а там уж я своего не упущу, найду жениха богатого, чтобы при нём как сыр в масле кататься... Только разберусь со своей бедой сначала».

Мокша улыбнулась. Зубы у неё были желтоватые, в целом хорошие, но почему-то её улыбка не вызвала желаний улыбнуться в ответ. Немила сложила руки на коленях, склонила голову и замерла в ожидании наставления, от которого зависела её жизнь и её будущее.

– Слушай внимательно и запоминай. Дорога твоя в самый дремучий лес лежит, ибо единственное это место, где чудеса творятся, надо только уметь их искать. Тебя никто не должен видеть, поэтому пойдёшь ночью. Луна в последние дни почти полная стоит, ночью светло, а значит, идти надо в ближайшее время, то бишь сегодня, в крайнем случае – завтра.

Она всегда считала себя бесстрашной, но в дремучий лес – и ночью! Немила была так взбудоражена новостью, что чуть не упала с лавки.

– ...а как из деревни выйдешь, иди в том направлении, куда солнце село, пока не достигнешь лесной опушки. Там дождёшься, пока на небе не появится луна, повернёшься три раза вокруг своей оси, постучишь три по три раза по ближайшему дубу (вот так: тук-тук-тук, тук-тук-тук, тук-тук-тук) и три раза позовёшь богинку. В ответ из глубины леса раздадутся шаги. Пойдёшь в том направлении, откуда будет исходить звук, до тех пор, пока она сама тебя не остановит.

Немила поёрзала на лавке, поправила шерстяную юбку, потёрла друг о дружку пятки. Вдруг в жарко натопленной избе её бросило в холод.

– Никогда не слышала ни о каких богинках, – честно призналась она.

– Ничего-то вы не знаете, молодые, – проворчала Мокша в ответ, а потом, призадумавшись на одно мгновение, добавила к сказанному: – Может, и к лучшему оно. У нас, у людей, своя жизнь, а у леса – своя, и нам там делать нечего. А про богинок я скажу тебе так: внешность у них отвратительная, а душа чёрная, что дно самого глубокого болота, но, кроме них, никто не способен сделать то, чего ты так жаждешь.

Отвратительная внешность... Надо же, а Немиле при слове «богинка» представилась маленькая девочка, с пухленькими щёчками, длинными волосами и большими умными глазами, этакий идольчик.

Мать – идеал женской красоты. Высокая, сребряноволосая и белая лицом, на котором выделяются яблочки щёк, соболиные брови и нежные, как лепестки цветка, губы. Она плечистая, с большими грудями, с широкими бёдрами и мощными ступнями. В отличие от Отца, она приглядывает за детьми издали, потому как её вотчина не здесь. И так как Отец-Солнце всегда рядом, то ему достаточно даров, которые доходят до него сгорая в пламени костров.

А чтобы и Мать была хоть чуточку ближе, люди вырезают красивейших идольчиков, которых ставят и дома, и на улице, и носят с собой.

Но что же за зверь или птица такая, что богинкою зовётся? Немила от нетерпения попыталась было уговорить Мокшу описать облик загадочного существа подробнее, но та лишь ворчливо процедила:

– До чего же ты любопытная девчонка! Ничего я тебе больше не скажу, для твоего же блага. Ишь, какая! Ещё идти передумаешь.

– А я увижу ещё кого-нибудь, кроме богинки? – не унималась Немила. – Водяного, кикимор или лешего?

Мокша прищурила один глаз и снисходительно покачала головой:

– Не особо раскатывай губёху. Твоё счастье будет, если ты никого из них *не* встретишь.

Немила немного повеселела, даже аппетит разыгрался. Протянув руку на середину стола, она взяла из стопки зачерствевшего хлеба один ржаной сухарь, поднесла ко рту и принялась медленно рассасывать край тёмно-коричневой корки. Она пойдёт в лес дремучий, и наверняка станет свидетельницей чудес разных! Как же это будоражит! И почти совсем нестрашно...

– ...когда богинка явит тебе свой лик, не выдавай страха, будь смелее. Скажи, что пришла от Мокши и просишь её принять в дар то, что тебе самой не нужно. Больше ничего говорить не нужно! После, когда она примет дар, ты развернёшься и пойдёшь домой, не останавливаясь и не оглядываясь. И никогда больше без крайней необходимости ты не вернёшься в лес. Запомнила?

Немила понятливо закивала головой. Звучало всё не так уж плохо и совсем несложно: пойди, покрутись, постучи, позови, снова пойди, скажи слова, вернись домой.

Был ещё один вопрос, уже не очень важный, но она решила для собственного спокойствия спросить:

– Матушка Мокша, скажи, а... – она немного замялась, не зная, какие слова выбрать, чтобы узнать то, что хочется, и не умереть на месте от стыда, – ...а сколько месяцев должно пройти, чтобы ребёнок созрел и захотел выйти?

– Девять, – ответила Мокша и беспокойно нахмурилась. Покрытая пятнами, как обычно это бывало у старых людей, рука взлетела к виску и начала потирать его. – Тебе пора, милая. Чувствую, скоро дети проснутся. Неспроста у меня мигрень разыгралась.

Без особого удовольствия Немила покинула избу, но Мокша не могла или не собиралась ей больше ничего рассказывать. Особенно интересно было бы узнать о том, где и как та приоб-

рела столь сокровенные познания. Наверняка это могла быть очень захватывающая и необыкновенная история, а Немила обожала такие истории.

Конечно, и того, что ей довелось узнать в то утро, было немало. Немила не сомневалась, что большинство жителей деревни предпочли бы вовсе не знать того, что узнала она, и им было вполне достаточно для собственного спокойствия каждый вечер ставить в укромном уголке блюдечко молока для домашнего, а утром убеждаться, что за ночь оно опустело – значит, всё идёт своим чередом, и можно не опасаться за привычный порядок вещей.

Но целых девять... Если её живот так раздуло в первый месяц, то что будет к концу девятого? И неужто обострившийся аппетит будет мучать её так долго? Этак до размеров Смеяны можно разъесться!

В обед небо затянуло сплошной пеленой облаков и начал сыпать мелкий снежок, который ближе к вечеру усилился. Немила, ожидавшая ясной лунно-звёздной ночи, была этим крайне недовольна. Она весь день беспокойно бродила по избе, то и дело выглядывая за дверь, отчего настроение её становилось мрачнее и мрачнее. Сёстры, видя, что из глаз младшей сестры вот-вот посыплется искры, старались поменьше пересекаться с ней в одном помещении. Утренней отлучки они не заметили.

Вечером раздался стук в дверь. Немила сидела за столом, уставившись в стену, и думала про себя, как же отвратительно будет тащиться через поле по сугробам, когда на её бедную отягощённую дурными мыслями голову свалилось ещё одно несчастье.

– Эй, хозяйюшки, можно к вам? – раздался голос у порога, а потом в поле зрения появилась она, Смеяна. Громкая и упитанная баба моментально заняла собою всё свободное пространство между лестницей, печью и столом. Злоба, крутившаяся в закутке с противоположной стороны от стола и принимающая к запахам, доносящимся из-за печной заслонки, с искренней радостью поприветствовала незваную гостью (которая прекрасно могла сама пригласить себя куда угодно).

– Смеянушка! Всегда рады тебя видеть! Садись за стол, ты как раз подросла к ужину.

Смеяну не нужно было уговаривать дважды. Она вприпрыжку обогнула стол и приземлила свой широкий зад рядом с Немилкой.

– Я к вам не просто так, а с новостями, – похвасталась она тут же, водрузив тяжёлые локти на дубовую столешницу. – Была я сегодня у Мокши, и сказала она, что грядёт в ближайшем будущем некое страшное событие, которое коснётся каждого в деревне.

Немила наострила уши, а Злоба стянула с плеча полотенце и, размахивая им, разразилась недовольной бранью:

– Это ещё что?! Не нужно нам никаких предзнаменований! Особливо, когда мужи наши вынуждены по ледяной вьюге домой возвращаться! Ух, сказала бы я этой Мокше! И скажу при случае!..

– Тихо, тихо, не ерпенься, Злобушка, старая добавила ещё, что, скорее всего, этим событием станет её собственная смерть, – с улыбкой самодовольства произнесла Смеяна, склонив голову набок и приставив к толстой щеке палец, который был похож на кусок твёрдого куриного жира. Улыбка эта никак не соотносилась с произнесёнными словами, и, как скоро поняла Немила, это было неслучайно. Лицо Смеяны якобы случайно оказалось обращено в сторону Немилы, один глаз хитро подмигнул. У Немилы возникло жгучее желание отодвинуться, но это было, во-первых, крайне невежливо, а во-вторых, она и так уже сидела на само краю.

– Немилушка, – сладеньким голоском, не предвещавшим хорошего, затянула Смеяна, – а расскажи-ка, зачем ты сегодня поутру бегала к Мокше? Ты же не веришь тому, что она предсказывает? Разве я не права?

Немила никогда не высказывала напрямую своей неприязни к Мокше, но и не стеснялась с одобрением похихикивать, когда кто-нибудь отпускал грубые шуточки в адрес старой бездетной вдовы.

– Мне нужно было растолковать один сон, – затаив в душе возмущение, буркнула Немила. Этот ответ был заготовлен заранее, потому что она полагала, что кто-нибудь обязательно увидит её и начнёт допытываться «зачем да почему?»

Но лучше бы она промолчала!

– Уж не тот ли сон ты имеешь в виду, о царевиче Иване, который подарил тебе золотое колечко? – рассмеялась Злоба, мигом вогнав Немилу в краску. – Не сомневаюсь, что он! Ты же уже месяц сама не своя ходишь! Неужто о царевиче до сих пор мечтаешь? Бесплодны твои мечты, Немилушка, перестань травить себе душу.

Немила зашикала на сестру:

– Прекрати! Прекрати! Другой сон, не тот! Не думаю я ни о каком царевиче!

Но сказанного было уже не вернуть, Смеяна всё слышала. Немила испугалась, что теперь все над ней будут насмехаться из-за мечты выйти замуж за царевича, но всё обернулось куда хуже.

– Иван-царевич и кольцо, говоришь? – задумчиво переспросила Смеяна. – А я ведь чего к вам пришла-то? Сплетню хотела пересказать, из стольного града пришедшую. Я не давеча как сегодня получила письмо от мужа, в котором упоминается, что обнаружилась в царском тереме среди всех пропаж потеря старинного кольца, которое могло принадлежать ещё Лыбеди. Думали, оно затерялось где-то, но весь терем был перевернут вверх дном... И что вы думаете? Кольца нигде не нашли! А ведь оно почти десять лет после смерти царицы-матушки пролежало на одном месте никем не тронутое! Представляете, как расстроился царь-батюшка? Оно было, говорят, довольно простенькое с виду, без единого камушка, но очень ценное.

– Да что ты говоришь? – всплеснула руками Злоба и косо посмотрела на Немилу. – Очень любопытно. Получается, Немилушка у нас сны вещие теперь видит?

Ровно в этот момент наверху лестницы раздался тихий скрип. Смеяна вздрогнула от неожиданности, Злоба замерла на месте, а Немила перевела дыхание. Надо же, допрашивать вздумали! Двое на одну! Леший бы побрал эту Смеяну и старостину жену! И почему письмо именно сегодня пришло, а не завтра? Теперь от расспросов не скроешься, а ведь она собиралась улизнуть сразу после ужина, не дожидаясь наступления полной темноты.

Когда спустилась Нелюба, все вести снова были тщательно обтолкуваны, Немила опять получила свою порцию насмешек, связанных с пропавшим царевичем – за последний месяц ей пришлось их выслушать целую гору – но главное, она никак не могла отделаться от подозрительного взгляда Злобы, который сулил море проблем в ближайшем будущем.

Смеяна улизнула тотчас же, как увидела, что больше в доме сестёр поживиться нечем. Лишь только за приставучей соседкой закрылась дверь, как Немила тоже выскочила из-за стола, схватила свой огарок и стремглав помчалась наверх. Прыгать через ступеньки в последнее время стало тяжелее, но она пока ещё была способна удрать от сестёр, не прилагая к этому больших усилий.

– Что ты носишься, как угорелая? Весь день ничего не делала, а к ночи силы появились? Смотри, завтра на тебе пахать буду! – донеслось в спину.

Пока жалкие остатки свечи не догорели, нужно было успеть снарядиться в дорогу. В углу комнаты лежали новые лапти, приготовленные специально к ночи. Немила спешно переобулась, набросила на плечи пуховой платок, надела тулуп и полушубок, схватила варежки, чтобы надеть их позднее – и села на постель. Ждать, когда в соседних комнатёнках отойдут ко сну. Она бы с удовольствием прилегла, но уж очень боялась уснуть, а потому сидела в сторбленной позе и слушала, до тех пор, пока свечного жиру не осталось примерно на столько, чтобы добраться до крыльца.

Чтобы не тревожить попусту скотину, она решила выйти из избы через главный ход. Сёстры засыпали по обыкновению быстро, но соблюдать осторожность всё равно было крайне важно. Но удача этой ночью не спешила стать на её сторону. Половицы предательски стонали

под ногами, ещё протяжнее, чем обычно. Дверь скрипела, будто ту не смазывали каких-то пару недель назад.

А в самый неожиданный момент, безо всяких предпосылок дверь напротив резко пахнулась, первым, что увидела Немилушка, была внушительных размеров свеча, а вторым уже стало вынырнувшее из темноты круглое лицо.

– Злобушка, – тихо выдохнула Немила, бочком пятясь к лестнице. – А мне вот, попить захотелось. Ты прости, что потревожила.

Злоба, не проронив ни слова, тоже сдвинулась с места. И тогда Немила рванулась вперёд, потому что знала, если старшая сестрица ухватит её своими ручищами-тискаами, то вопьётся, как клещ, и точно не отпустит по своей воле.

У неё получилось проскользнуть к лестнице, но за спиной всю грохотали шаги, и встревоженная Нелюба присоединилась к переполоху, начав голосить, как это-де её посмели разбудить, и что вообще происходит?!

Планы Немилы поменялись. Она свернула не направо, к крыльцу, а налево. Хлопнула одна дверь, вторая, заволновалась потревоженная скотина. Злоба ещё даже не добежала до ворот, а она уже успела задвинуть засов со своей стороны!

– погоди! Куда же прёшь в снежную ночь, сгинешь ведь, и косточек потом твоих не найдём! Немила-а! Как ты можешь так поступить с нами и с бабушкой!

В голосе Злобы слышалась паника. Немилино же сердце было безжалостно, она почти наслаждалась ситуацией и уже бежала дальше, думая лишь об одном: разделаться бы со своей бедой, с обузой! А ночью она тихонько вернётся в дом и как-нибудь да объяснит своё поведение.

Последнюю неделю Немила никак не могла отделаться от страха, что другие бабы в деревне, более опытные во всяких взрослых вопросах, те, которых она намеренно избегала – они точно раскроют её положение, и тогда скандала не избежать, а за скандалом последует изгнание, и тогда она точно больше не увидит бабушку, который откажется от непутёвой дочери.

Ужас, вновь нахлынувший на Немилу от этих мыслей, бешено гнал её по заснеженным полям. Туда, куда садится солнце... Она точно знала, куда держать направление, наизусть выучила каждый кустик, каждый холмик в округе, поэтому спокойно могла бы дойти до леса и вернуться хоть в кромешной тьме и с завязанными глазами, лишь бы только ноги не увязали и не проваливались в гадкий рыхлый снег, затрудняя передвижение...

Уйдя достаточно далеко, она начала оглядываться и бдительно высматривать, не мелькнёт ли где смолистый светоч, и прислушиваться, не примешиваются ли к песне вьюги человеческие голоса. Иными словами – не успели ли заметить её отлучки?

Несколько раз вьюге-шутнице удалось посеять в душе у Немилы тревогу своим совершенным подражанием Злобиному голосу: «Немила-а, Немила-а».

Но вот показалась опушка. На лапти налип мокрый снег, онучи намокли и неприятно холодили ноги начиная от кончиков пальцев и почти до середины икр, но в остальном Немиле было не холодно, а наоборот, жарко. Оттого что она почти всю дорогу сбивалась с шага на бег, увязала в сугробах и ни разу не позволила себе остановиться, сделать передышку, кожа под тулупом покрылась горячей испариной. Шея, грудь, подмышки и спина были скользкие от пота, и пот постепенно впитывался в нижнюю рубаху. Лицо тоже было мокрым. От смеси из снега и пота влажными были даже веки, из-за чего моргалось с трудом и приходилось часто отирать глаза.

Обернёшься вокруг своей оси три раза.

Три раза по три постучишь по ближайшему дубу.

Три раза позовёшь богинку.

Найти в зимних сумерках среди множества похожих друг на друга голых деревьев дуб – задача непростая, но Немила прожила на этой равнине с единственным взгорком, широкой речкой, обширными плодородными полями и лесом в половину горизонта всю свою жизнь, и пусть она не знала всех деревьев наперечёт, но точно помнила, что где-то здесь, рядом, стоит дуб, ствол которого примерно на уровне пояса раздваивается, чтобы продолжить расти в разные стороны.

В её недалёком детстве девочки и мальчики любили качаться на его ветвях, приговаривая «одна сторонка для мальчишек, а другая – для девчонок». Благодаря снегу тень, укутывающая день, приобрела лилово-голубой оттенок. Сквозь кроны раскидистых деревьев снег почти не проникал, но несмотря на это ветер уже успел наместить сугробов под ноги лесным великанам, оттого идти вдоль кромки леса было ненамного легче, чем по открытой местности.

И всё же Немила без особого труда нашла тот самый раздвоенный дуб. Она встала прямо напротив того места, где два ствола расходились в разные стороны, обернулась вокруг своей оси три раза («А в какую сторону – правую или левую? А! Без разницы! Пусть будет левая!»), постучала ровно так, как учила Мокша...

И крикнула три раза, удивившись, как звонко и громко прозвучал её голос, а выюга словно нарочно настроилась на его звучание и подпела:

– Ба-а-агинка-ууу! Ба-а-агинка-ууу! Ба-а-агинка-ууу!

Она замолчала и прислушалась. Невероятно, но большой и тёмной, завьюженный лес откликнулся на зов мгновенно. Откуда-то из глубины, сквозь тесно переплетённых между собой ветвей дохнуло тёплым влажным воздухом с лёгким запахом затхлости. Тени сгустились. Ночь приняла бразды правления в свои руки, и с первым же её приказом выюга стихла. Теперь ничто не могло заглушить хлюпающий звук, который поначалу раздавался то с правой стороны, то с левой, но потом выровнялся, стал более отчётливым и ритмичным. И тогда Немила поняла, что слышит шаги.

«Это она!» – подумала Немила, подалась на несколько шагов вперёд и встала как вкопанная.

В ответ на её сомнения из темноты раздался осторожный вкрадчивый голос:

– Не бойся багиньку. Багинька тебя не обидет.

Голос тот был приятный, воркующий и нежный, в котором угадывался не то лёгкий изъясн, не то необычный говорок.

Немила фыркнула – ей-то, и бояться! Вот ещё! Да она ещё девочкой бегала по реке и звала водяного, потому что верила, что если хорошо попросить, то хранитель вод позволит ей встретиться с любимой матушкой.

Матушку Немила так и не увидела, а со временем совсем позабыла, потому как была совсем малюткой, когда та умерла, утонув... Батюшка иногда грустно шутил, что она стала русалкой, женой водяного, и живёт ныне на дне речном. Гоняется за рыбой, ищет под камнями раков, играет с пиявками и кормит лягушек комарами, а когда всё наскучит, то выбирается на берег и безмолвно сидит, вспоминая свою прежнюю жизнь.

Она отогнала непрошенные мысли. Матушку уже не вернуть – будь та где угодно и чьей угодно женой. Нужно позаботиться о себе и о собственном благополучии.

Богинка до сих пор оставалась полностью невидима, а у Немилы в голове никак не укладывалось то, на что намекала Мокша. Неужели обладательница такого сладкого чарующего голоса может иметь внешность отталкивающую? Увидеть бы загадочное неизвестное существо хотя бы краем глазочка!

– Сьледуй за мной. Палучить веткой в глаз-с-с ньепр-приятна, – скупно проронила богинка. Снова раздался чавкающий звук, на это раз сопровождаемый едва различимым бульканьем.

Немила сделала несколько шагов, чувствуя, как снег под её ногами сменяется чем-то жидким и мягким. В лапти мгновенно просочилась влага, намотанные в несколько слоёв онучи промокли сразу в нескольких местах. Вода! Снег тает! И это посреди зимы!

Обернувшись, она мысленно поблагодарила старый дуб за то, что послужил ей путеводителем, после чего бесстрашно ступила в лес.

Снег постепенно сходил на нет. С последними снежинками на небо выкатилось единственное око Матери, которым она приглядывала за порядком, пока второй глаз – также именуемый Солнцем – был закрыт.

## Глава 6

Серебристый свет луны плохо проникал между плотно сплетённых ветвей, но Немила пока не начала переживать. Она крадучись пробиралась по лесу за невидимой предводительницей и не переставала удивляться. Влажный участок земли у границы леса сперва сменился почти сухим, но потом богинка вильнула в сторону, и началась другая тропа, вязкая, трудная, смердящая испарениями.

Чтобы поменьше вязнуть, Немила хваталась за ветви деревьев, замечая, как древесные исполины постепенно сменяются кустоподобными кривыми карликами, которым в земле не хватало пищи.

«Никогда не думала, не гадала, что суждено мне утонуть в болоте посреди зимы», – страдальчески подумала Немила, но вслух даже не пикнула, несмотря на то что ноги её всё сильнее увязали в жиже.

Под лаптями уже всю хлюпало, передвигаться становилось тяжелее и тяжелее, но богинка продвигалась вперёд в своём темпе и не собиралась сбавлять ход, только изредка из темноты доносилось нетерпеливое: «Сюда, сюда!», а луна высвечивала сероватую длань с узловатыми пальцами и длинными скрюченными ногтями.

Лес внезапно кончился, а точнее, сильно поредел до торчащих из земли палок толщиной максимум в запястье. Вместо хлюпающей воды под ногами запружинила мягкая подушка, по которой ступать было гораздо легче и веселее. Луна перестала прятаться между деревьев и незаметно выкатилась на самую высокую точку небосклона, благодаря чему Немила наконец могла немного разглядеть фигуру своей проводницы, благо, та перестала нестись вперёд и теперь стояла на месте, подманивая Немилу к себе.

– Подойди сюда, – раздался свистящий шёпот. – Дай мне посмотреть на тебя поближе!

Лунный свет обрисовал человеческий силуэт, облачённый в облегающие одежды, которые полностью повторяли изгибы фигуры. На самом деле собственно изгибов там особо и не было, рука, помахавшая Немиле, оказалась тощей и костлявой, а слишком длинные ноги, выглядывающие из прорех платья, богинка по очереди поднимала, потирая друг о друга, то ли от холода, то ли пытаясь избавиться от мучавшего её зуда. Это нехитрое действие напомнило Немиле, как пронзительные чернотелые мухи в редкие моменты отдыха, когда они не высасывают пищу и не кружат назойливо по округе, трут друг о дружку свои тоненькие, не толще конского волоса, лапки.

Ноги у богинки были совершенно кривые, вывернуты от колен таким образом, что пятки оказались смотрящими наружу, а пальцы ног – завёрнутыми внутрь. Лицо богинки оставалось в тени, а голова была покрыта гладью масляных волос, чернота которых плавно переходила в черноту платья.

Немила подошла и встала перед богинкой. Луна, более не загораживаемая густыми ветвями, светила в полную силу. Чувствуя не страх, но сильнейшее возбуждение, отдававшееся во всём теле дрожью, Немила подалась вперёд, чтобы получше разглядеть ту, кому по собственной воле позволила заманить себя сюда, кому вверила свою... жизнь.

И вдруг до неё окончательно дошло, что это, застывшее перед ней существо, может называться женщиной с большой-пребольшой натяжкой.

От омерзительного вида «женщины» Немилу чуть не затошнило: лицо той каким-то непостижимым образом выглядело одновременно и молодым, и старым, щёки были раздуты, а лоб был пересечён по горизонтали несколькими крупными глубокими морщинами. Морщины взрезались в уголки рта, искривлённого неестественной дугой по вине торчащих изо рта клыков.

Только сейчас до Немилы дошло, что богинка не была одета, а то, что она поначалу приняла за платье, было не чем иным, как продолжением волос, которые струились по голому телу почти до самой земли. Часть волос была намотана на предплечья и пропущена под грудь, а под рёбрами находилась уродливая выпуклость.

«Раздута вся от воды, как у утопленницы», – подумала Немила. Здесь впору испугаться, сломя голову ринуться через лес, обратно в деревню, к людям, но, с другой стороны, кого она ожидала увидеть? Известно же, что по описаниям видевших их людей, и кикиморы, и леший, и русалки имеют отталкивающую наружность, но это далеко не всегда значит, что они хотят причинить кому-то зло.

«Но добра ждать тоже не стоит, ибо у богинки жуткая внешность и чёрная душа», – напомнила себе Немила и поёжилась. Поскорее бы разделаться с маленькой загвоздкой, и – чухнуть домой на всех ветрах.

– Дай-ка потрогайю дитячко, – проворковало чудовище и опустило свой жадный взгляд туда, где под несколькими слоями одежды чуть выпирал растущий животик.

У женщины тоже выпирал живот, только в нём бурлела не жизнь, а болотная вода, склизкая, вонючая, испускающая газы. Мёртвая.

Варежки Немила сняла уже давно, пуховый платок свисал с шеи на грудь, тулуп был распахнут. Эти меры не давали желаемой прохлады, однако алчущий, раздевающий взгляд чудовища вызывал лишь подспудное желание закутаться по сильнее.

Неправдоподобно тонкие руки вытянулись и легли поверх юбки. Не обращая никакого внимания на Немилу, богинка начала ворковать:

– Ты ж моя дьевачька! Зяберу тебя к с-себье, будесь жить в моей утробушке, а потом с-сама тебя рожу, и не будьет мне так с-скучно и одиноко. А ежели ты не дьевачька, если ты – мелкий пративный мальчишка! – То не увидишь света белого, задушу в утробе как пить дать...

От последних слов Немила почувствовала себя нехорошо, у неё закружилась голова. Ей-то думалось, что она избавится от нежеланного ребёнка раз и навсегда, что он перестанет существовать полностью, будто никогда и не было его, и неважно, каким именно образом это случится, а теперь, узнав судьбу своего малыша, она испытала чувство глубочайшей вины.

Если будет девочка, то богинка переместит малышку к себе в утробу, самостоятельно её родит. А если не девочка, то... судьба мальчика в руках богинки станет, похоже, более определённой, менее трагичной, а главное – короткой.

«Хоть бы мальчик!» – взмолилась Немила. Не могла она представить, что ребёнок, если будет девочка, будет расти в этих болотах и воспитываться этим чудищем. Но что она сама может сделать для ребёнка? Какой у неё выбор? Нет никакого выбора, самой бы выбраться отсюда! Лишь бы богинка быстрее сделала своё дело, а уж после Немила все силы приложит, чтобы забыть произошедшее с ней. В этот момент ей казалось, что она вполне справится с тем, чтобы забыть, а забыв однажды, больше не о чем будет и сожалеть.

Чужие пальцы мяли и ощупывали живот с такой силой, будто богинка хотела прямо сейчас выдавить несчастное дитя наружу. Это было неприятно, почти больно, но вот мучительница замерла, движение рук прекратилось, а в следующий миг из зубастого рта вырвалось удовлетворённое стенание.

– Раз-с рьёбёночек, два рьёбёночек... – пролепетала богинка таким голосом, будто готова была растаять на месте от умиления. – Два рьёбёночка – это такая рьедкос-сть! И обе – дьевачьки! Аргх, больше не быть мне одной!

В последние недели Немиле казалось, будто её распирает, будто вместо живота у неё был объёмный сосуд, наполненный водой с рыбёшками, а после прикосновения богинки все эти «рыбёшки» взбунтовались, зашевелились, отчаянно забились, беспорядочно тыкаясь в стенки «сосуда» своими шершавыми ртами в поисках спасения.

Богинка продолжала держать руки на Немилином животе, но вдруг отдернула их и пронзительно взвыла.

– Чьто с етими ребьятишками?! Я не могу их взять! Оньи не таки-й-е!

Немила была обескуражена. Как же это так, в последний момент, когда она уже смирилась с судьбой своих несчастных детушек (надо же, целых двое!), богинка смеет отказываться от щедрого дара?!

Когда что-то шло вразрез с её волей, в голосе Немилы всегда прорезались капризные нотки.

– Какие – не такие? – взвилась она. – Я, значит, притащилась сюда – посреди ночи! – рассорилась с родными, договорилась со своей совестью, а ты отказываешься, говоришь – не такие?! Ну-ка, быстро забирай!

Она подалась к богинке, схватила за ладони, попыталась снова приложить к животу, повторяя: «Забери, забери, забери!» Богинка замахала костлявыми, узловатыми руками, завизжала:

– Плахийе дьети! Не воз-зь-му! Уйди и не возвращайся!

– Они не плохие, они самые обычные! Ты сама сказала, что там две крепкие девочки! Хотела их – так забирай!

– Плохие девачьки! – с шипением повторила богинка, брызжа слюной. – Мнье такие не нужны! Уходи по своей воле-е!

Богинка отпрыгнула в сторону, угрожающе набычилась, согнула колени и глухо заворчала, готовая к нападению.

Но как же, как же Немила могла уйти?! Одна её часть вопила: «Ничего хорошего это тебе не сулит, спасайся, пока можешь!», тогда как другая предпочла бы умереть, нежели вернуться и принести в подоле позор для всей семьи.

– Да протит меня Матушка, что я приблизила свою встречу с ней, – выдохнула Немила и в отчаянии упала на колени.

Богинка перемещалась стремительно. Плеснула вода, а следующим, что Немила почувствовала, был резкий рывок за волосы. Из-за боли у неё перехватило дыхание, что пришлось очень кстати, поскольку, сделав несколько шагов, богинка толкнула свою слабую жертву лицом в болотную жижу и надавила на затылок.

«Я сама выбираю свою смерть!»

Вода просочилась в ноздри, осталось вдохнуть поглубже – ровно так, как это сделала матушка годы назад, – но тело и разум Немилы отказывались принимать низкую судьбу, как смерть в убогом грязном болоте от рук уродливого существа. Что станет с её телом? Наверняка и косточек не найдут, а батюшка точно с ума сойдёт от горя.

В агонии боли и страха Немила совершила полное отчаяния защитное движение, пытаясь оттолкнуть женоподобное существо, но всё было тщетно. Она была как лягушка, которую по случайности придавили ногой, но не довели дело до конца, и только оставалось, что невольно дёргать лапками. Как известно, по одной очень старой сказке о двух лягушках, если долго и упорно не сдаваться, неутомимо грести лапками в сторону свободы, то можно прожить немного дольше.

Но в этом случае в своём спасении она могла повинить только чудо, поскольку богинка ослабила хватку сама.

Немила вывернулась из ослабевшего захвата, на коленях отползла в сторону, а когда оглянулась, то увидела, что жуткое лесное создание, каким-то чудом преодолев участок непроходимой топи, стояло на другой стороне лесной прогалины и ухмыляясь смотрело на неё.

За спиной у богинки снова начинался лес, ещё более недружелюбный и уродливый, чем тот, что они оставили позади себя. Тонкие, корявые стволы не могли устоять прямо и искали друг у друга поддержку, щетинились во все стороны ветвями, безуспешно пытались вырасти

вверх, туда, где круглый блин луны терял потихоньку свой золотистый окрас, но опали вниз, к бедной почве, которая смогла вырастить на себе много-много поколений ущербных карликов, могущих рассчитывать на лучшее будущее для своей породы только в том случае, если какая-нибудь белка или птичка ненароком перенесут хотя бы одно семечко в более благоприятное для будущих поколений место.

– Куда?! Стой! Мы ещё не закончили! – в отчаянии крикнула Немила, взвилась на ноги и, придерживая юбку, сделала несколько шагов по направлению к богинке. Та в ответ рассмеялась:

– Не пройдёшь! – но не сдвинулась с места, а с издевательскими гримасами наблюдала за попытками Немилы преодолеть топь.

В очередной раз, не сумев удержаться на ногах, она упала и принялась вытаскивать из грязи застрявшую ногу, а богинка снова развеселилась, отчего Немила горько взвыла:

– Почему ты меня не убила?! Почему отказала в такой малости?!

– Ньет, – богинка передёрнула плечами. – Я нье убиваю своих.

– Своих?!

Но богинки уже не было на прежнем месте. Повернулась спиной и, не обращая внимания на крики, увещевания, удрала. Понеслась через кущи, только голое тело мельком показалось на границе болота, да сверкнули на удивление белые пятки.

– Нет, стой! У-у, гадюка! Ну погоди, найду – отомщу!.. И что мне теперь делать? – пробормотала Немила себе под нос, после чего, аккуратно переходя и перепрыгивая от дерева к дереву, козочкой доскакала до противоположного края лесной проплешины.

Луна уже успела почти докатиться до края небосклона, когда Немилины руки дотянулись до ближайших к ней колючих ветвей. От прикосновения к ним она тихо ойкнула.

Но богинка же, богинка как-то пролезла?!

Немила надела варежки, плотнее запахнула тулуп и двинулась через плотные кусты. На её радость, только первый ряд ветвей оказался плотным и шипастым, одолев его, идти стало в разы легче, но – непонятно куда именно.

«Если долго идти, то куда-нибудь приду», – успокоила она себя. Иногда Немила звала богинку, но – никто не отзывался. В лесу стояла гробовая тишина.

А лес тем временем внезапно стал более дружелюбен. Он любезно раздвигал ряды деревьев, перестал норовить ткнуть незваной гостье в глаз, не кидал под ноги каких-нибудь сомнительных сюрпризов, а когда безлунная чернота стала сереть, предвещая рассвет, то обнаружилось, что под ногами у Немилы лежит вполне себе утоптанная тропа.

«Ага! Значит, здесь часто ходят, и я тоже куда-нибудь доберусь», – решила Немила и уже собралась ускорить шаг, чтобы быстрее попасть «куда-нибудь», но тут вдруг громким урчанием напомнил о себе голодный живот.

– Ах вы, мелкие поганки! – вспыхнула она. – Неужто проголодались?

Немила уже ненавидела этих двоих, что заняли её утробу и только требовали от неё новых и новых жертв.

От злости она отломилла небольшой ивовый прутик, засунула в рот и принялась жевать горьковатые волокна, то и дело морщась, сплёвывая и ругаясь самыми грязными словами, что доводилось ей слышать в своей жизни.

\* \* \*

Она уже успела сжевать штук пять таких прутиков вместе с набухающими на них почками (весна?), нашла и выкинула какие-то лжегрибы, поймала и выпустила лягушку, а рассвет, как назло, всё не наступал, хотя Немиле казалось, что шла она часа три – не меньше.

Но не зря она среди деревенских имела славу страшной упрямыцы; Немила не рассматривала ни малейшей возможности сдаться и повернуть обратно, а продолжала идти вперёд.

Рано ли, поздно ли (по личным впечатлениям Немилы, скорее поздно), но усилия её вознаградились. Тропинка, как и полагается, куда-то привела.

Первым делом Немила услышала голоса, много голосов, десять или больше, среди них только мужские, разной тональности, от грубого и низкого до тоненького и почти детского, и все они говорили одновременно, при этом вразнобой, каждый – о своём, отчего создавалось ощущение полнейшей какофонии звуков, которая с каждым шагом приближалась.

Немила ужасно обрадовалась. Почему-то подумалось ей о бабюшкиной дружине, но она тут же одёрнула себя: дружина сейчас очень далеко, с запада идёт, до Лыбедь-града ещё даже не добралась.

Но что же то за голоса были? Неужели здесь есть живые люди, в этой глуши? Невзирая на сомнения, Немиле почему-то сразу показалось, что эти голоса дружелюбны, что, придя туда, откуда они доносятся, она найдёт и кров, и пищу, и отдых. Оставшиеся до голосов шаги она преодолела бегом, благо, уже почти рассвело.

– Осторожней, девка!

– Ой! – вынырнув из-под ветки, она почти вписалась во взявшуюся из ниоткуда преграду и только благодаря предупредительному вскрику успела в последний момент затормозить.

– Стой! Кто такая, куда и зачем путь держишь?

Это был частокол из плотно подогнанных друг к другу брёвен. Немила опёрлась рукой на одно из них и медленно осела вниз, другой рукой придерживая снизу живот, который онемел, стал твёрдым и тяжёлым. Не обращая внимания на незримых свидетелей, она уселась прямо на землю, спиной привалилась к дереву, закрыла глаза. И поглаживая рукой живот, медленно, глубоко задышала.

– Эй, ты только не умирай тут, малахольная.

Голос, обратившийся к ней, был звонкий, молодой, а главное – невраждебный.

Немила разлепила веки и посмотрела по сторонам, перевела взгляд выше и ахнула. Сверху частокол увенчивала человеческая голова, живая человеческая голова, которая моргала глазами, шевелила губами и обладала светлой шевелюрой, едва прикрывающей уши. Голова могла принадлежать юноше, одно но – вместо тела она была насажена на заострённый конец бревна.

Почти сразу Немила заметила ещё две головы, они располагались на небольшом расстоянии от первой и несколько отличались от неё – у одной были усы и борода, и волосы полностью закрывали уши, у другой лицо было гладкое, а макушку венчал колпак.

– Кто ты такая и откуда? И куда? – хмуро повторил тот, что постарше, а самый юный, что был в колпаке, беззлобно добавил:

– Здесь не место юным прекрасным девам.

– Я Немила, живу в деревне на окраине леса. Не видели ли вы женщину некрасивую, с волосами до пят и... нагую? – вымолвила Немила, едва ворочая во рту пересохшим языком с привкусом горечи. И жалобно взмолилась: – Добрые молодцы, а дайте водички хлебнуть!

Кто-то фыркнул – кто-то не из этих троих. Немила видела, что частокол дальше идёт, и подумала, а что если частокол этот увенчан другими головами, которых отсюда не видно?

– Ха! Это ты богинку назвала женщиной? А за добрых молодцев спасибо, давно нас так никто не величал. Ты только водицу болотную не пей, – заботливо посоветовал тот, кого она про себя окрестила средним.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.